

ДЕТЕКТИВ

СВЕТЛАНА

АЛЕШИНА

СПАСАТЕЛЬ

Светлана Алешина
Спасатель (сборник)

«Научная книга»

1999

Алешина С.

Спасатель (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 1999

Ольге Николаевой, психологу из группы спасателей МЧС, не привыкать к экстремальным ситуациям. Но обстоятельства очередной катастрофы настораживают ее. Как-то странно ведет себя капитан пострадавшего теплохода, странно ведут себя люди из ФСБ... Неясны и причины произошедшей аварии. Ольга начинает негласное расследование и убеждается, что катастрофа была заранее спланирована. Кто за этим стоит? И ради чего можно пойти на столь многочисленные жертвы? Ольга полна решимости найти ответы на эти вопросы...

© Алешина С., 1999

© Научная книга, 1999

Содержание

Спасатель	5
Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвертая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Светлана Алешина

Спасатель (сборник)

Спасатель

Глава первая

Всю недолгую дорогу от Тарасова до Булгакова мне придумывали кличку, а я делала вид, что обижаюсь, смущаюсь и, в общем, как могу, отбиваюсь от внимания к себе трех мужчин, составляющих вместе со мной нашу группу спасателей. На самом деле я не была смущена. Смутились бы скорее они сами, если бы до них дошло, что я прекрасно понимаю мотивы этого внимания к своей особе.

Кавээн, например, пытался – неосознанно, конечно, – таким образом избавиться от собственной мысли о том, что я – красивая молодая женщина, а у него в тридцать пять лет все еще нет семьи и, судя по его испуганно-смущенной реакции на женщин, никогда не будет... Дядя Саша предлагал мне такие варианты кличек, которые как бы ставили под сомнение мою половую принадлежность.

– Ольга, что, если мы тебя Психологом звать будем? – спрашивал, например, дядя Саша – Александр Васильевич Маслюков.

У него кличка была совершенно очевидной и никакой другой быть просто не могло – его называли Кавээном уже лет десять... Я только что с трудом отбрыкалась от предложенных им же на общий суд «Горца», «Гиндукуша» и еще почему-то – «Талиба».

– Ну, это слишком длинно! – тут же возразил Игорек на «Психолога». – Тогда уж просто – Психом! Коротко и откровенно.

– Ну уж нет, мальчики! – я нахмурилась. – Так не пойдет! «Психом» я не буду... Психом будет тот, кто захочет меня обидеть...

– Игореша! Ты зачем Оленьку обижаешь! – вступился за меня Григорий Абрамович по прозвищу Грег. Оно ему совершенно не подходило и приклеилось случайно, потому что он был «тезкой» кадрового американского разведчика Грегори Абрахама Симпсона, которого я «обставила» недавно на границе Афганистана с Пакистаном. Правда, не без помощи нашего ФСБ. В Григории Абрамовиче не было ничего американского или суперменского. Он недавно разменял пятый десяток, носил старомодные очки в толстой роговой оправе, имел явно выраженное брюшко и вечно растерянный вид человека, который отвечает не только за себя, но и за других, хотя делать этого не умеет.

Начальник наш, майор Григорий Абрамович Воротников, терпеть не мог ссор в коллективе, и поэтому при нем все споры прекращались, вернее – откладывались до той поры, пока Грег не скроется из поля зрения. Каким бы ни был Григорий Абрамыч формалистом и сухарем, осторожным и сдержанным, мы его уважали, потому что он был одним из Первых Спасателей, которые организовывали во времена моего младенчества эту тогда еще добровольную службу, мотались по командировкам за свой счет, отбивались от КГБ, обманом проникали в закрытые милицейскими кордонами районы, чтобы помочь людям, попавшим в беду... Рискуя при этом свободой, а иной раз – и жизнью.

Поэтому Игорек язык немного прикусил. Но ненадолго. Да я, собственно, и не обижалась, только вид делала, что дуюсь на них.

Игорек усердствовал больше всех из-за того, что остался теперь единственным старшим лейтенантом в нашей группе спасателей МЧС. Единственным, потому что буквально недели

две назад мне, самому младшему – и по возрасту, и по стажу – члену группы присвоили звание капитана МЧС. Я ни секунды не сомневалась, что Игорек искренне рад за меня, но смириться с этим ему, видимо, было непросто. Он был явно раздражен, хотя я не совсем понимала, чем именно – то ли столь одобрительным вниманием московского начальства к моим приключениям во время спасательных работ в районе кайдабадского землетрясения в Афганистане, то ли полным невниманием к нему, провинциальному спасателю, не раз доказавшему свой профессионализм, вытащившему из-под земли и обломков металла десятки людей, и вообще – лет пять уже сидевшему в звании старшего лейтенанта...

Между прочим, Игорек был классным аналитиком, самородком, можно сказать. И бывали такие случаи – там, где я, например, чувствовала, он знал. Он с детства обожал детективы, от словосочетания «дедуктивный метод» просто тащился, и если бы не нашел применения своим способностям и склонностям в работе спасателя, обязательно открыл бы частное сыскное агентство...

У него кличек было много. Можно было, например, называть его фамилией любого из сыщиков – героев известных детективных романов, и при этом он точно знал, что обращаются именно к нему, а не к кому-нибудь другому. Даже если произносить эти фамилии с иронией... Без иронии, собственно, я и не называла его мистером Холмсом или мсье Пуаро. Игорька можно было назвать «мисс Марпл» – и он нисколько не обижался.

Но так или иначе он остался старшим лейтенантом в компании двух капитанов и майора. И потому злился. Не на нас, скорее – на жизнь...

А в общем-то, я видела, что все нервничают, и знала причину этого. В Булгаков мы летели не на прогулку и не на экскурсию... Хм, «на экскурсию»... Как мне в голову-то такое пришло? Слишком уж Булгаков невзрачный городишко, ничего в нем интересного, хотя и центр губернии. Жителей в нем что-то около миллиона...

Час назад майор Воротников получил приказ из Москвы срочно прибыть со своей группой в район железнодорожного моста через Волгу в городе Булгакове... Причина вызова – «техногенная катастрофа первой категории сложности». Что конкретно – не сообщалось. По радио и телевидению никакой информации о том, что произошло в Булгакове, пока не было.

Мы пытались строить предположения, но среди спасателей как-то не принято фантазировать на эту тему – считается, что можно «накаркать». «Не провоцируй беду своей болтовней» – это один из неписанных законов Кодекса Первых Спасателей.

Я видела, как Кавээн нервно скреб пальцами свои вечно небритые щеки, Григорий Абрамович растерянно тер лысину, а Игорек время от времени вставлял ни к селу, ни к городу: «... что и требовалось подсказать!»

На меня тоже действовала атмосфера общего нервного ожидания и я, собственно, сама вылезла с предложением придумать мне кличку – чтобы отвлечь мужиков на себя, занять их мозги своей персоной... Ненаправленная психическая энергия – вещь не слишком полезная для дела. А дело предстояло скорее всего серьезное.

Лету до Булгакова всего час, включая сюда же и время на маневрирование по рулевым дорожкам. Чем мне нравится МЧС, так это четкой работой транспорта. Наш спецрейс был отправлен ровно через полторы минуты после того, как мы погрузились в министерский «Як-42». Никаких получасовых предполетных пауз, никакого ожидания в накопителе.

Мы расположились в маленьком салоне, первом от рубки пилотов. В нем работает оперативный штаб, когда этот самолет берет на борт министра с его свитой. Уютный такой салончик, на шесть мест, со столом, на котором обычно лежит карта местности, где произошла катастрофа. Правда, карту меняют не слишком часто – только когда на борт поднимается наш министр.

Вот и сейчас на столе красовалась подробнейшая карта центральной части Камчатки. Я бы даже сказала, не карта – план местности, на котором обозначено все, что находится

на поверхности земли. Вплоть до деревянных туалетов во дворах сельских домов, отдельных крупных валунов, не говоря уже об отдельно стоящих деревьях... Все ясно – последний раз министр летел на этом самолете на ликвидацию крупных лесных пожаров, которые, несмотря на все усилия и старания наших служб, пожарников, военных и местного населения, потушить так и не удалось. А подземные пожары в торфяниках погасли в конце сентября, когда зарядили дожди... Не смогли люди – природа сама справилась с бедой...

Дальше располагались еще два салона мест на пятьдесят каждый, сейчас в них летели вместе с нами в Булгаков семьдесят волонтеров из полка гражданской обороны, тоже входящего в структуру МЧС. Уже судя по тому, что в одном только Тарасове за час собрали столько народа, можно было заключить, что в Булгакове произошло что-то серьезное... Волонтеры, как и мы, ничего не знали. До нас доносилось сдержанное гудение голосов: народ обсуждал – куда летит и что делать там нужно будет...

Этим спецрейсом я летаю последние лет пять регулярно. Примерно раз в месяц. Работа такая – экстремальный психолог второй категории.

Профессия, надо сказать, у меня очень редкая – психолог-консультант оперативной федеральной спецгруппы спасателей. Федеральная группа – это такая сборная команда, которую посылают – как сборные команды спортсменов за рубеж – на наиболее крупные катастрофы. Она входит в международную спасательскую структуру ООН. В составе такой группы я побывала, пока писала свою диссертацию, – и во Франции, и в Индонезии, и в Эфиопии, в общем, в разных местах планеты, где требовалось участие специалиста по экстремальной психологии.

Но кроме этого, я вхожу и в местную, региональную команду спасателей, которая состоит из групп, подобной нашей, тарасовской – по четыре-пять человек классных спецов в офицерском звании. Но часто нас всей группой вызывают не как специалистов, а как спасателей широкого профиля, когда нужны просто лишние руки. Скорее всего, так было и в этот раз... К сожалению, как и остальные, я могла только гадать, что же случилось там, в Булгакове.

В пассажирский салон выглянул радист и жестом позвал нашего начальника в кабину пилотов. Мы примолкли в ожидании новостей. Наверняка сообщение, касающееся нас. Какое-нибудь уточнение приказа, точная формулировка задачи, информация о катастрофе, наконец.

Едва Григорий Абрамович появился вновь в салоне, три пары глаз уставились на него в напряженном ожидании. Я видела, что лысина у нашего начальника вспотела... Дела, значит, серьезные.

– Ну! – не выдержал Игорек. – Что там?

Григорий Абрамович достал носовой платок и принялся протирать блестящую лысину. Этот жест у него был традиционным и означал, что начальник наш сильно нервничает...

– Речной теплоход...

– Что? Затонул?..

– То-то и удивительно, что нет!

– Григорий Абрамович! – поспешила я вмешаться. – Расскажите по порядку. Зачем радист вас туда вызывал?

– Новости по «Русскому радио» послушать. Он их на пленку записал. Для нас специально... В Булгакове речной теплоход – огромный, четырехпалубный – врезался в железнодорожный мост... У теплохода две палубы срезало подчистую, но на плаву держится... Мост вроде бы разрушен... Число жертв уточняется, не назвали даже приблизительно.

– Что ж там уточнять-то, – воскликнул Игорек. – Число жертв равно числу пассажиров плюс экипаж минус число спасенных. Мост-то железнодорожный, не пешеходный... Что и требовалось подсказать...

Григорий Абрамович смотрел на него растерянно и продолжал натирать свою лысину... Я поняла, что что-то не так. Не все он сказал.

– Что еще, Григорий Абрамович? – спросила я. – Игорь, кажется, перебил вас... Он кивнул головой.

– Во время удара теплохода в мост по нему проходил пассажирский поезд...

– Мать твою!.. – сформулировал охватившие его чувства Кавээн.

– Часть вагонов упала в воду, – добавил майор глухо, словно нехотя.

Говорить никому ничего не хотелось.

– До Булгакова осталось десять минут! – крикнул нам высунувшийся в салон второй пилот. – Приготовьтесь. От места посадки до моста шесть минут на машине. Местный диспетчер МЧС на связи. Дислокацию прибывающим группам сообщает. Будете говорить?

Григорий Абрамович бегом побежал в кабину. Вернулся он минут через пять взъерошенный, с нахмуренными бровями, и строго поглядел на нас через свои очки с круглыми линзами.

– Сообщили, что нас встречают, машина на месте. Через пять минут садимся. Наш объект – кормовая часть теплохода. Всем быть готовыми...

Он помолчал и добавил:

– Ко всему...

Кавээн, у которого воображение работало со скрипом, спросил осторожно:

– Что там у них, Абрамыч?

Тот посмотрел на Кавээна прямо и жестко и ответил, хорошо представляя, что стоит за этим ответом, потому что был опытным спасателем и слов на ветер просто так никогда не бросал:

– Мясорубка...

Майор Воротников всегда отличался сдержанностью и с воображением у него все было в порядке... И если уж он произнес такое слово...

...Спасателя никогда не интересует, где он будет спать, есть, словом, отдыхать... Все его мысли направлены только к месту катастрофы, на тот объект, где ему предстоит работать. Если вам встретится спасатель, который прежде всего будет интересоваться, как организовано питание, поставлены ли палатки для отдыха после смены, можете быть уверены, что долго он в спасателях не продержится. Или сбежит, или погибнет, в самый напряженный момент пожалев свое тело, вместо того чтобы сконцентрироваться и заставить его принять трех-, пяти-, десятикратную нагрузку...

Когда колеса самолета только коснулись посадочной полосы, мы вчетвером уже стояли у выходной двери, нарушая все правила безопасности полетов. Едва самолет замер, бортпроводница открыла нам входной люк и помогла спрыгнуть на бетон, не дожидаясь, когда подадут трап. Машина МЧС уже ждала нас рядом с самолетом. В спасательных работах счет идет на секунды, люди, которые нуждаются в нашей помощи, могут не выдержать и умереть, не дождавшись нас. Поэтому мы экономим эти секунды, как только можем... Каждое мгновение может потом обернуться чьей-то жизнью.

Машина – яркий красно-синий «рафик» – мчалась по ночному Булгакову, не снижая скорости, которая была никак не меньше ста двадцати километров в час. Дорожная милиция организовала для нас зеленый коридор, и мы пролетели по пустому городу минут за пять от аэропорта до Центральной набережной, которая начиналась от самого моста. Мы выскочили из «рафика» и побежали к воде. Мотор катера взревел, как только нога бежавшего последним Игорька коснулась его палубы.

– Где? – стараясь перекричать рев мотора, спросил Григорий Абрамович голого по пояс матроса, стоявшего у руля...

Матрос не ответил.

Наш начальник и сам, наверное, понял, что его вопрос прозвучал довольно глупо, потому что и так невозможно было ошибиться с определением места катастрофы – ближе к левому берегу Волга около моста была ярко освещена. Издалека видно было, как уродливо торчат концы рельсов с обеих сторон моста над обрушившимся пролетом. Везде были натканы прожектора, отчего застрявший между опорами теплоход с наполовину смятой надстройкой выглядел нереально и зловеще... На нем, на мосту, на скопившихся вокруг катерах копошились фигурки людей... Волга около места катастрофы была просто забита маломерными судами – в основном «казанками» и «прогрессами».

– Откуда их столько? – крикнула я матросу, указывая на лодки.

– Рыбаки! – ответил тот. – Какой-то праздник рыболова вчера был. А после разрешили у моста ночной лов до утра без ограничений... Они, кстати, десятки людей спасли, когда те из вагонов начали выбираться...

Не снижая скорости, наш катер описал дугу, обходя суденышки, скопившиеся возле теплохода, и, заглушив мотор, начал плавно подходить к борту теплохода... Метров двадцать пять вокруг него было свободное пространство на воде, ни одной лодки.

– Ух! Я бы эту сволочь!.. – матрос, стоящий у руля, сжал правую руку в кулак и недвусмысленно потряс ею перед собой.

Мы даже и спрашивать не стали. Ясно было, что он говорит о капитане...

– Ты чего такой чумазый, друг? – спросил его Кавээн, и я действительно заметила, что плечи его покрыты темными мазутными пятнами.

– Нырнул пару раз... – ответил матрос и смачно выругался в адрес все того же злосчастного капитана теплохода...

Корма надвинулась вплотную над нами, и я увидела крупные синие буквы, опоясывающие по дуге кормовой бортик теплохода...

– «Сергей Есенин», – прочитала я.

Прямо над буквой «Е» был закреплен веревочный трап. Мы поняли, что прибыли. Пора высаживаться. Первым полез на теплоход Кавээн, я была третьей, последним, как всегда – Игорек. Первым и последним в нашей группе всегда идут более опытные и выносливые – в любой ситуации. Мы с Григорием Абрамовичем по этим параметрам всегда делим два средних места...

Я не успела еще забраться по вихляющему под ногами веревочному трапу, нижний конец которого натягивал Игорек, когда сверху, у меня над головой, раздался весьма строгий, если не сказать суровый, голос. Неприятный голос, сразу слышно было, что принадлежит он человеку, облеченному властью.

– Кто?

– Из Тарасова. ФГС-1, – ответил наш майор, привычным жестом протирая платком свою лысину...

«ФГС – это значит федеральная группа спасателей, – размышляла я, перелезая через леер, натянутый над кормовым бортиком. – А единица – это код допуска. Допуск у нас высокий, мы можем работать практически везде, кроме космодромов и пусковых шахт стратегических ракет. Там нужно иметь нулевой допуск. А на такой аварии, как здесь, достаточно было бы и тройки...»

– Документы! – сурово потребовал тот же голос, и у меня возникло ощущение, что нас почему-то арестовали и допрашивают.

Теперь я рассмотрела человека, который выражался столь односложно. Он был высокого роста, очень худой, с острым носом и впалыми щеками. Взгляд его настороженно скользил по нашим лицам, и мне показалось, что я уловила нечто вроде усмешки, когда он на секунду задержался на мне... Слишком долго, пожалуй, задержался...

«Высокомерие по отношению к женщинам – верный признак обостренного чувства сексуальной неудовлетворенности... – машинально отметила я про себя. – Синдром Паниковского – «меня девушки не любят»... Как следствие – повышенная агрессивность к представителям своего пола, в которых подозреваются более удачливые сексуальные конкуренты...»

Григорий Абрамович протянул ему наши бумаги, тот взглянул в них мельком и, удостоверившись, что в них все в порядке, вернул нашему майору.

– А это тоже спасатель? – спросил он у Грега, указав на меня и вложив в последнее слово откровенную иронию, даже издевку.

– Экстремальный психолог второй категории капитан МЧС Ольга Николаева, – опередила я ответ своего командира, а то начнет сейчас мямлить.

– А вы, собственно, кто? – сообразил наш начальник, что отчитываемся мы перед каким-то неизвестным нам человеком...

– Полковник Краевский. Федеральная служба безопасности, – подчеркнуто внушительно произнес тот и посмотрел на нас свысока...

Пожалуй, даже слишком внушительно для нормального социального самоощущения. Такой взгляд скорее характерен для личностей, не удовлетворенных своим положением. Высокомерие, если уж оно взято на вооружение, становится универсальным способом психологической защиты...

– Тьфу, черт! – Кавээн сплюнул ему под ноги. – А я смотрю – чего такой худой-то, мать твою? Иссох, наверное, без опасности-то? Пошли, мужики, работать надо, а не ласы точить...

«Мужиков» я прощаю только Кавээну, скажи такое Игорек, ему не поздоровилось бы... Но Игорек себе такого и не позволил бы, он-то как раз меня как женщину воспринимает. У Игорька совсем другие проблемы. Ему его место в жизни не нравится... Но для высокомерия он слишком открыт. Его психологическому типу больше подходит обида... Вот он на нас, капитанов с майорами, и обижается...

Кавээн двинулся вдоль бортика, мы – за ним, огибая рваное железо и внимательно глядя под ноги, – такие места всегда чреваты сюрпризами. Не заметишь, как окажешься где-нибудь в трюме, заполненном водой... А если еще упасть на груды искореженного металла... Можно считать, что твоя карьера на этом закончена. Тебе будет светить только пенсия по инвалидности. Это в лучшем случае. В худшем – вместе с карьерой на этом завершатся и твои жизненные заботы.

Впереди меня наш осторожный Григорий Абрамович что-то вполголоса выговаривал в спину Кавээну. Его слов я не расслышала, но ответил ему Кавээн громко, не скрываясь и не деликатничая:

– Да пошли они, козлы... Я ФСБ не подчиняюсь...

Абрамыч опять что-то забубнил.

На судне уже работала группа спасателей, человек десять. Впрочем, судном останки теплохода можно было называть с большой натяжкой. Скорее оно напоминало гигантское корыто, в которое навалили груды покореженного металла, или плавучий гроб, общую могилу для... Вот это-то мы и должны установить – количество погибших, а самое главное – разыскать и вытащить из обломков тех, кто еще жив, кому можно еще помочь...

Теплоход стоял наискось между двумя опорами моста, не касаясь ни одной из них бортами и уткнувшись носом в лежащий под водой мостовой пролет. Только бурлящая на поверхности вода указывала на то, что на дне находится огромное металлическое сооружение. Еще дальше, вниз по течению, тихо покачивались несколько катеров, с которых под воду спускались водолазы. Под катерами, как я поняла, были затонувшие вагоны, свалившиеся с моста в момент удара. Мы, кстати, так и не знали пока, сколько вагонов упало во время катастрофы. Вагоны не входили в наше поле деятельности, ими занимались другие группы.

Часть спасателей работала с носовой стороны, нам по плану, утвержденному госкомиссией, нужно было подойти к месту наиболее сильных повреждений со стороны кормы...

«Сергей Есенин» был еще недавно четырехпалубным теплоходом класса «река-море», то есть мог совершать плавания как по рекам, так и по внутренним морям, по Каспию, например, Балтике или Средиземноморью. Океанская волна для него была бы высоковата, но для балтийских переходов «Есенин» был в самый раз. Да он скорее всего и в первый свой рейс отправился именно по Балтике. Построен он был лет двадцать назад в той части Германии, которая тогда называлась ГДР, и пришел на Волгу через Беломорско-Балтийский канал. Это был внушительный для волжских берегов красавец, высокий, с косыми приземистыми трубами, с плавными обводами и гордо, высоко задранным над волжской водой носом. Мне показалось на миг, что я вспомнила его стоящим у тарасовского речного вокзала... Впрочем, теплоходов такого типа на Средней Волге не меньше десятка.

В том, что от него осталось, трудно было узнать прежнего «Есенина». Это было уже не судно, а металлолом, начиненный мертвыми телами. Мостом срезало у него полностью верхнюю палубу и почти полностью – третью. Вторая и даже первая в носовой части оказались смятыми и сдвинутыми к центру бесформенной грудой. На корме две нижние палубы уцелели, и даже самая ближняя к корме часть третьей палубы оказалась нетронутой. Относительно нетронутой. По крайней мере там осталось несколько внутренних помещений, в которых можно было наверняка выжить, потому что переборки не были прижаты друг к другу вплотную, как в носовой части, и между ними вполне могло поместиться тело человека.

Из кормовых кают пассажиров уже вывели и переправили на берег. Им повезло больше других. Они отделались только психологическим потрясением, когда среди ночи, проснувшись от страшного скрежета, выскакивали на палубу и видели, как на их глазах передняя часть надстройки сминается в гармошку. Они знали, что там – люди... Нам нужно было попытаться помочь тем, кто выскочить не успел. Если им еще можно было помочь.

Тот, кто впервые попадает на спасательные работы, особенно волонтеры из полка ГО, всегда совершает одну самую распространенную ошибку. Едва увидев, например, торчащую из завала руку или ногу, он «упирается» в нее, как баран, и не может от нее отвлечься, пока не освободит человека, чья конечность попала ему на глаза. Как правило, это уже труп. Но на операцию по его извлечению из завала потрачено драгоценное время. Опытный спасатель, увидев ту же руку, попытается прежде всего установить, жив ли еще человек. Если у него нет сомнений, что человек мертв, он оставляет его и идет дальше – искать живых. До тех, кто мертв, дойдет очередь позже...

Я сразу поняла специфику работы на теплоходе. Самая большая сложность заключалась в том, что это было слишком «гулкое» сооружение. Стук металла об обшивку разносился по всему корпусу, и определить, где именно находится источник звука, было очень трудно. Шум моторов катеров и лодок, скопившихся вокруг судна в ожидании раненых, крики спасателей и речников, далеко разносящиеся по воде, плеск волжской воды по обшивке создавали звуковой фон, сквозь который очень сложно было уловить стон раненого или крик с просьбой о помощи.

Работали мы в паре с Игорьком.

Кавээн с Греггом все никак не могли выяснить, нужно ли спасателям портить отношения с ФСБ или стоит придерживаться принципа разумной целесообразности, который в фольклорном варианте призывает к сдержанности – если, мол, дерьмо не трогать, то и запаха его не почувствуешь... В оценках оба наших спорщика сходились, но у каждого было свое представление о манере общения с параллельной МЧС силовой структурой.

Я, кстати, не испытываю столь ярко выраженной неприязни к эфэсбэшникам, у меня не слишком много было поводов для нее. Самый тесный контакт с ФСБ у меня был в Кайдабаде и Гиндукуше, когда мне несколько дней пришлось провести с майором ФСБ Поляковым, правда,

тогда он для меня был волонтером французских спасателей Полем. О том, что он эфэсбэшник, я узнала только в Москве. Но контакт с ним не произвел на меня неприятного впечатления...

Ведь в Москве наш с ним контакт продолжился в откровенно интимной обстановке...

Как бы там ни было, нас с Игорьком не слишком волновали взаимоотношения ФСБ и МЧС, мы были целиком заняты своей работой... Я с трудом произношу слово «работа», когда вспоминаю эту грудку смятого, искореженного металла, сочащегося кровью. Сейчас, пока еще есть шанс спасти хоть одного человека, я не была психологом, кандидатом наук. Я была спасателем. Это дело я знала лучше любого волонтера.

Мы с Игорьком вооружены были электропилами по металлу и пробивались по остаткам третьей палубы навстречу идущим с носа спасателям из самарской группы. Диск пилы со скрежетом и визгом впивался в металлические стойки, вспарывал внутренние переборки, кромсал уцелевшие деревянные панели, если они попадались на пути. Пойти по палубному коридору и заглянуть в оба ряда кают было невозможно. Прежде всего потому, что не существовало самого коридора. Сила сжатия двигала железо, из которого был сделан теплоход, во внутреннее пустое пространство. Коридор просто исчез. Проще было вскрывать одну за другой стенки кают и таким образом переходить в следующую в поисках оставшихся в живых. Пока есть надежда, что кто-то еще жив.

Ближние к корме каюты оказались пусты с обоих бортов. В следующей, еще не слишком помятой, нашли лежащий на полу труп женщины. Ей просто не повезло. В момент удара она, скорее всего, упала с верхней койки и ударилась головой об острый выступ в креплении стола. Глаза ее были открыты, но в них не видно было ни страха, ни даже боли, лишь бессмысленное сонное выражение не успевшего проснуться человека. Она умерла, так и не поняв, что произошло. Ее соседи по трехместной каюте, судя по всему, выскочили на палубу. Мы с Игорьком даже не обсуждали вопрос, что нам делать дальше, а сразу же попробовали открыть следующую каюту, оставив мертвую женщину заботам «чистильщиков». Их работа в том и заключается, чтобы зачищать объект, полностью вынося с него мертвые тела...

Дверь следующей каюты была настолько деформирована, что дверью ее назвать было можно, только обладая богатым воображением. Она торчала рваным куском железа, открывая какую-то темную дыру в помещении, из которого самостоятельно никто бы не сумел выбраться – разве что корабельная крыса... Не знаю, впрочем, живут ли они на современных теплоходах...

– Вскрываем! – сказал Игорек, хотя это и так ясно было, и мы с ним принялись срезать своими пилами искореженную дверь.

Короткая, но пронзительная сирена дала сигнал к минуте тишины. Каждые десять минут раздавалась эта сирена, по которой все спасатели прекращали свои работы и начинали напряженно прислушиваться – не раздастся ли сквозь отдаленный шум моторов и плеск воды крик о помощи и стон раненого человека...

Замерли и мы с Игорьком, стараясь даже не двигаться. Он смотрел в пол, закрыв глаза и пытаясь настроиться на максимально обостренное восприятие звуков... Я, застыв так же, как и он, смотрела на Игорька, прислушивалась, но слышала лишь его дыхание...

Минута уже заканчивалась, когда я вдруг поняла, что Игорек стоит, задержав дыхание, чтобы оно ему не мешало слушать... Значит... Я мгновенно сориентировалась и поняла, что дыхание, теперь показавшееся мне слишком хриплым и прерывистым, доносится из каюты, дверь с которой мы только что срезали и отбросили в сторону...

Одной рукой я указала Игорьку на каюту, другую подняла, призывая его прислушаться...

С окончанием минуты тишины вновь взревели и завизжали инструменты спасателей, вновь послышались матерные словечки, которые входят у многих спасателей в набор необходимых для работы принадлежностей... Редко я встречала спасателей, которые не матерятся.

– Слышал? – спросила я Игорька – Дышит!

– Осторожней, не задень его! – крикнул он мне, тоже принимаясь вскрывать перегородку, чтобы попасть в помещение каюты.

Мы срезали один кусок металла, за ним пришлось убирать второй, третий... Когда Игорь отогнул железо, нашим глазам открылось исковерканное, не могу найти другого слова, тело человека. Верхняя часть его туловища была зажата между стенками каюты. Он, видно, не успел встать с койки, и это, скорее всего, спасло ему жизнь, иначе он был бы раздавлен каким-то металлическим брусом, вдвинувшимся в его кабину и накрывшим его сверху козырьком. А вот ноги сломались у него посередине между коленями и стопами и под прямым углом ушли в какую-то дыру в металлической обшивке.

Мужчина вряд ли приходил в сознание после полученных повреждений. Дыхание его стало слышнее, но стонов не было... Сколько крови он потерял – неизвестно. Можно ли спасти его жизнь – тоже. Но это уже не наша забота, нам нужно как можно скорее освободить его из металла. Причем сделать это достаточно осторожно, чтобы не нанести ему смертельную травму...

Мы с Игорем коротко посоветовались и приняли единственно возможное решение – вырезать его из каюты вместе с зажимающими его металлическими поверхностями. Постараться при этом не изменять положение его тела. Вновь завизжали диски наших пил.

Едва я прорезала лист железа справа от раненого, как на руки мне полилась темная, густая жидкость. Вращающийся диск пилы разбрызгал ее по моим рукам и даже по лицу. Я выключила инструмент и провела рукой по лицу. Рука была в крови.

– Что это, Игорь? – спросила я.

– Это его сосед, – буркнул в ответ Игорек. – Работай, не отвлекайся...

Кабина, похоже, была двухместной. Соседу не повезло. Он попал в «мясорубку». Я вскрыла железо, за которым находился его сосед, в нескольких местах и кровь струйками потекла вниз, нам под ноги. В одном месте она даже была под давлением, красно-черным фонтанчиком... Что там могло уцелеть?

Раздавленный сосед найденного нами раненого располагался несколько выше его. Когда я срезала наконец закрывавший его лист железа, на раненого начали падать куски тела, разрезанного металлом на части. Я никогда не представляла себе раньше, что смогу держать в руках человеческое мясо. Не оторванную или отрезанную руку, а просто кусок мяса с обрывками кожи и торчащими из сочащейся кровью мякоти костями... Но я смогла брать эти куски, вытаскивать их на относительно свободное место и складывать просто в кучу. Смогла, потому что нужно было помочь человеку, который еще жив. Он был залит кровью своего соседа, и тело его сделалось скользким.

Наконец мы с Игорем отрезали металлический лист, в который оказался как бы завернутым этот человек, и, вызвав помощь, медленно, без рывков и резких движений перенесли на площадку, куда доставала стрела крана спасательного катера. Его зацепили тросами и прямо с железом вместе перенесли на один из дежуривших возле теплохода санитарных катеров, который, тотчас же набирая скорость, пошел к ближайшему берегу...

– Куда его? – спросила я врача, который помогал нам после того, как осмотрел вытащенного нами человека и оказал ему, какую возможно, первую помощь. Вколол что-то, перетянул ноги жгутами. Врач оценил его состояние и довольно уверенно сказал, что выживет...

– Тут, как нарочно, на каждом берегу по станции «Скорой помощи» совсем недавно открыли... – ответил он на мой вопрос. – Сначала туда. Потом – не знаю. Слишком много пострадавших... Больницы переполнены уже... Здесь рядом, на Центральной набережной, неделю назад пристройку к стационару открыли в институте травматологии. Так ее через два часа после аварии уже до отказа забили, в коридорах лежат – голыми костями наружу светят... А жмуриков столько, что и не считает пока никто...

Мы сидели на корме после того, как нас с Игорьком окатили водой из шланга, чтобы смыть кровь. Курили. Перекур – не перекур, а дрожь в руках успокоить нужно было. Ведь каждая следующая наша находка обещала быть не менее жуткой...

– Пассажиров поезда много утонуло, – рассказывал врач, хотя мы с Игорьком и не спрашивали его об этом. – Стекла в вагонах толстые, рукой не разобьешь. А пробраться по коридору до двери – это рыбой нужно быть... Полузадохшихся всплыло много...

– Полузадохнувшихся... – сказал Игорек.

– Что? – спросил врач. – Ну да, конечно... Извините... Половину из них, наверное, откачают... А когда начали поступать раненые отсюда, с теплохода, – это вообще тихий ужас. Вы же сами видели – фарш, хоть сейчас на сковородку и котлеты жарь...

Наш щупленький, в общем-то, Игорек тяжело поднялся, подошел к упитанному полноватому врачу, взял того за отвороты халата и рывком поднял на ноги. Тот неуклюже встал, недоумевающе глядя на Игоря, и испуганно откинул назад плечи и голову.

– Если ты, гнида, сейчас же отсюда не уберешься, я из тебя самого фарш сделаю... – голос Игорька дрожал, и я не сомневалась, что стоит врачу открыть рот, как он окажется за бортом. – Они живыми людьми были, пока какая-то погань их в эту мясорубку не сунула.

Растерявшийся врач молча хлопал глазами и только тарасился на разъяренного Игорька.

– Брось, Игорек, – сказала я. – Он же просто боится смерти. Поэтому ему доставляет удовольствие говорить о чужой. Тогда он ощущает, что еще жив. Он же от страха за свою жизнь прогнил насквозь. И смердит...

– Отставить бить врача! – скомандовал Игорю невесть откуда взявшийся Григорий Абрамович. – Отпустить врача! Взять себя в руки!

Металл в голосе Грегa было настолько для меня удивительно слышать, что я забыла о том, что сама только что испытывала к этому цинику в халате самую настоящую ненависть. Наш начальник, оказывается, занимал свою должность вовсе не по недоразумению, как мне иногда казалось. Но я плохо его знала – он умел быть жестким.

– А вы давайте отсюда! – повернулся он к врачу, который суетливо и все еще испуганно одергивал свой халат после того, как Игорек его отпустил. – И побыстрее, если искупаться не хотите...

Врач все понял и исчез, как и не было его...

– Что за базар, Игорь? – уже мягче, но с упреком сказал Грег. – Не можешь контролировать себя? На берег! Немедленно!

– Григорий Абрамович! Все! – оправдывался Игорек. – Забыли об этом!..

Но через секунду сам же не выдержал и воскликнул:

– Ему же, гаду, что человек, что лягушка – все равно! «Фарш»! Говнюк он, а не врач!

– Врачи, особенно те, кто видел много крови, часто становятся циниками, – сказал Григорий Абрамович. – Я циников не люблю... И в моей группе их не будет. Да их, собственно, и нет...

Наш командир неожиданно улыбнулся.

– Честно говоря, я бы помог тебе выкинуть его за борт... Но... Работать нужно, а не выяснять отношения со всем белым светом... А то одному ФСБ не нравится, другому врача растерзать на части хочется... А психолог наш что скажет?

– Работа очень тяжелая, Григорий Абрамович... – попыталась я сформулировать причину вспышки Игоря. – Жуткая...

– Я думаю, тем, кого мы отсюда вытаскиваем, тяжелее пришлось, – ответил Григорий Абрамович. – Вот им действительно жутко было. Представьте себя на их месте и все поймете...

– Да все мы понимаем... – пробормотал Игорь, – но он ведь...

– А раз понимаете – работать! – перебил его командир. – Люди вашей помощи ждут, а не разговоров. Там есть еще живые...

Глава вторая

Следующие часов шесть были сплошным кошмаром... Я превратилась в какой-то механизм, без эмоций, без чувств, только с единственной программой внутри – найти как можно больше живых людей, застрявших в этих зловещих обломках металла...

Мы с Игорем отправили на берег еще восьмерых, подающих признаки жизни, пока не встретились с группой самарских спасателей, пробивающихся нам навстречу с носа. Самая сложная часть поврежденного теплохода была отработана. Остатки третьей палубы полностью проверены, все живые с этого уровня отправлены на берег в больницы, погибшие – вынесены.

Параллельно с нами работало несколько команд на первой и второй палубах, где повреждения не носили столь катастрофического и жуткого характера, но и там далеко не все остались в живых. Хватало и раненых... А с верхних палуб на нижние просачивалась кровь и текла ручейками на находящихся в каютах людей. Даже если останешься в живых, есть ли гарантия, что не сойдешь с ума?

Мы с Игорем как раз только закончили свою работу и смывали в очередной раз с себя из шланга чужую кровь, когда группа самарцев извлекла последнего человека с третьей палубы. Он оказался ранен совсем легко, ходил самостоятельно, лишь левая рука была у него сломана в двух местах... Я обратила внимание на этого мужчину, потому что вокруг него возник какой-то шум. Он что-то не то требовал, не то доказывал, а спасатели, сами уставшие до последней степени и ничего не хотевшие слушать, пытались усадить его на катер и отправить на берег. Он, похоже, им сопротивлялся...

Этот человек меня заинтересовал, едва я его увидела... Он не был похож на остальных раненых прежде всего своей активностью и отсутствием признаков подавленности. Я подошла поближе и растолкала самарцев. Не могу точно ответить – зачем, но мне показалось необходимым выслушать этого человека. Может быть, ему требуется помощь психолога, а это моя прямая обязанность. Проще, конечно, отправить его на берег и забыть и о нем самом, и о его проблемах. Но в чем тогда смысл моей работы?

– Дайте его мне! – сказала я двум дюжим самарским молодцам, которые деликатно, но настойчиво и уже слегка раздраженно пытались оттеснить человека, одетого в темный, заляпанный грязью, мазутом и кровью пиджак, к трапу, спущенному на санитарный катер, пришвартованный к теплоходу.

Мне пришлось показать им жетон спасателя-психолога, выданный мне квалификационной комиссией специально для таких случаев. случаев, когда я вижу необходимость моего экстренного вмешательства. Жетон дает мне право хотя бы на короткую беседу с любым человеком в районе бедствия – и из числа жертв, и из числа спасателей. Это тоже часто бывает необходимо.

Я взяла человека за рукав его грязного пиджака и отвела в сторону от скопления усталых и раздраженных людей. Прежде всего я оценила его психологическое состояние. У него и намека не было на аффект, о котором твердили самарцы, желавшие поскорее спихнуть его на санитарный катер, лишь бы избавиться от проблем...

– Наконец-то нашелся один нормальный человек, – сразу заявил он мне, когда я достала сигареты и предложила ему закурить. – За последние десять минут фразу «Немедленно в больницу!» я услышал, наверное, раз двести... А я, может быть, хочу медленно...

Мы уселись с ним на каких-то здоровенных металлических тумбах, на которые наматывают при швартовке причальные канаты. Право, не знаю, как они называются.

Я вдруг поняла, глядя на него, что за замызганный пиджак на нем надет. Это же китель! Передо мной человек из экипажа и, судя по кителю, – не рядовой матрос. Его рассказ о том, как все случилось, может очень пригодиться в спасательных работах.

– Кто вы? – спросила я, уже почти зная ответ.

– Старший помощник капитана, черти б его разодрали, Васильев Виктор.

– Где вы были в момент катастрофы?

– Я был на мостике вместе с капитаном, когда мы подходили к этому треклятому мосту...

Я пытался рассказать этим... которые меня вытащили... Но они не слушают ничего. Разговаривают между собой, а я – словно сумасшедший среди них...

– Вы говорите, были на капитанском мостике, а как же вы оказались в каюте третьей палубы? – спросила я, чтобы прежде всего понять, как вел себя человек в момент катастрофы, а затем уже сделать вывод – можно ли верить тому, что он рассказывает или это только плод его перепуганного воображения.

– На подходе к мосту я поднялся в рубку, хотя смена была не моя и по идее я должен был спать еще часа три... Но отчаянно болела голова, и я просто хотел проветриться – накануне засиделись за картами со штурманом. Он и должен был стоять на вахте... Но его там не оказалось... Рулевого – тоже. В рубке был капитан и сам стоял у штурвала. Я спросил, где Василич, это штурман наш. Самойлов ответил, что тот болен, попросил его заменить... Такое бывает иногда... Рулевой, говорит, что-то долго за чаем на камбуз ходит... А я смотрю – берег должен быть справа, а он – слева... Я уставился на него, на берег, не понимаю ничего, голова болит, как с перепоя. Соображаю туго. Наверное, думаю, боковым ходом идем, на водохранилищах не один судоходный фарватер есть, можно в принципе выбрать любой из двух, а то и из трех в некоторых местах. Хотя это и нарушение, конечно... Потом на капитана посмотрел, а тот побелел весь, руки дрожат, аж прыгают на штурвале. Сам вперед уставился и замер так весь, словно каменный. Я за ним следом вперед посмотрел, а там из тумана мост на нас надвигается и близко уже, машины не то чтобы полный назад, даже застопорить не успеем. То есть ясно – раз боковым ходом идем под мостом – не проходим по верхнему габариту, сто процентов! Под мостами для нас один только фарватер проложен – под самым высоким пролетом... А до моста – минуты полторы осталось. Течение ведь нас туда же несет. Меня как толкнуло что-то. Я к капитану подскочил, от руля его оттолкнул, одной рукой дернул рукоятку – передал в машинное – «полный назад!», а другой начал руль выворачивать круто вправо. Успею, думаю, поперек пролета теплоход развернуть, тогда не столкнемся, а только прижмет нас к мосту течением... Скандал, конечно, будет огромный, но людей не угробим... Теплоход вроде начал поворот, но смотрю – не успевает он развернуться. Пролет уже прямо на нас с капитаном наползает... Рулевая рубка с капитанским мостиком на уровне третьей палубы находится...

Он оглянулся на груды искореженного железа, находившуюся над его головой, и поправился:

– ...Находилась...

Я не перебивала его, давая возможность выговориться, а сама пыталась представить, как все произошло и почему... Я чувствовала, что он уже не может носить все это в себе, что ему нужно рассказать кому-то, кто будет его слушать. Рассказать то, что он видел, что чувствовал в этот момент, что понял...

– Секунд за десять до первого удара он пятиться начал с мостика... Я про капитана говорю, про Самойлова... Белый как полотно, глаза – с чайные блюдца, а сам кричит как сумасшедший...

– Что кричит? – спросила я.

– А ничего. Просто – кричит... «А-а-а!» – кричит. Так это, знаете, с нарастанием. Потом повернулся и по трапу вниз, как белка, ловчей любого юнга. А ему уже все-таки сорок пять. Не мальчик. На радикулит частенько жаловался. Не врачам, конечно, – мне...

Васильев помолчал, глубоко затянулся наполовину уже истлевшей сигаретой, выпустил дым в сторону и продолжил. Видно было, что каждое слово дается теперь ему с большим трудом...

– Не знаю почему, но я побежал за ним. Должен был я в рубке остаться, наверное. Раз уж капитан сбежал оттуда. Но я за ним побежал. Тоже, кажется, кричал. Что-то вроде «Стой!», что ли? Не могу вспомнить. Помню только – Самойлова я не догнал, он успел уже по третьей палубе добежать до лестницы и скользнул вниз. Тут и ударили мы в мост со всей нашей дури...

Помощник капитана опять замолчал...

– Вы после этого еще видели капитана живым? – спросила я.

– Я после этого видел, как человека дверью каюты пополам разрезает, как мозги вытекают из его раздавленной на моих глазах головы... Видел, как одна из стен начинает двигаться навстречу корме, все и всех сметает на своем пути, прижимается к противоположной стене и начинает двигать ее. А люди, которые между ними оказались, – в лепешку... И кровь течет из этой железной гармошки...

– Капитан мертв, как вы думаете? – спросила я Васильева, чтобы вернуть его к теме нашей беседы...

– Я же говорю – не видел его больше... – раздраженно буркнул он. – Но я думаю, что он выжил... Я бы задал ему пару интересующих меня вопросов... Поэтому и в больницу ехать не хочу...

Резкий скрипучий голос со знакомыми высокомерными интонациями раздался за моей спиной слишком неожиданно и заставил меня вздрогнуть.

– Вопросы ему мы сами зададим. Если, конечно, его найдут живым, – какой-то намек послышался мне в словах полковника Краевского, но я так и не смогла разобраться, на что он намекал. – С каких это пор экстремальные психологи подменяют собой следственные органы? Это нарушение субординации. Я буду вынужден доложить об этом вашему руководству...

– Этот человек нуждался в помощи! – ответила я, чувствуя себя абсолютно правой. – Я выполняю свои прямые обязанности.

– Этот человек нуждается во встрече с государственной комиссией, которая определит степень его вины в том, что произошло с кораблем, в командование которым он входил и нес ответственность за пассажиров...

Краевский отбарабанил все это без малейшей запинки. Канцелярский стиль речи, наверное, очень соответствует состоянию души людей, прячущихся за систему, в которой они работают. А когда прикрылся силой своей структуры, можно и самому немножко вылезти, душу свою потешить... Вернее, жалкую, трусливую душонку! Непременно сейчас скажет какую-нибудь мерзость...

Краевский поднял жестом погасшего сразу Васильева с его металлического сиденья, наручником пристегнул его правую руку к своей левой и, уже повернувшись, чтобы уйти, бросил мне через плечо:

– А свои прямые обязанности женщины, если они, конечно, женщины, выполняют в постели... Разве психологам об этом неизвестно?

Хам! Что еще сказать? Другого я, может быть, и пожалела бы еще за такое отношение к женщинам. В конце концов – это не вина его, а беда – что-то вроде болезни... Но он отнял у меня моего собеседника, который что-то еще хотел мне рассказать, я это чувствовала... Он должен был поделиться со мной выводами, сделанными после всего случившегося... Но это хамло влезло своим солдафонским сапогом в наш едва установившийся контакт с Васильевым и все разрушило... Сейчас Васильева начнут нагружать чувством личной вины за происшедшее, он эту вину готов принять, я это видела. В результате он замкнется и никому теперь не скажет то важное, что не успел рассказать мне. Сам будет мучиться, в одиночку...

Я чуть не выматерилась. И тут же поймала себя на мысли, что Васильев в разговоре со мной не употребил ни одного матерного слова. Неужели на него действовало, что я женщина? Мне не раз приходилось разговаривать с людьми в стрессовых ситуациях, подобных сегодняшней, и мат в таком разговоре присутствует практически всегда... Не знаю, право, почему... Есть

у меня, конечно, гипотеза, объясняющая это резким повышением либидо во время стресса, другими словами, увеличением в критической ситуации сексуального потенциала человека, что связано с древнейшими процессами формирования самой психики человеческого вида... Когда право расходовать свою сексуальную энергию доставалось самцам после острой и опасной борьбы, связанной со смертельным риском... Древний психический процесс закрепился в генетической памяти и у современного человека срабатывает в обратном направлении. А простейшая реализация полового акта – замена его словесным эквивалентом... Вот и матерятся люди в момент опасности и непосредственно после нее. И не только мужчины, женщины, кстати, тоже...

Впрочем, это всего лишь гипотеза, прямого отношения к делу не имеющая. Я вспомнила о ней только потому, что помощник капитана теплохода «Сергей Есенин» Виктор Васильев в эту гипотезу не укладывался... Скорее всего у него был другой, более прямой, более актуальный путь расходования стрессовой психической энергии... Например, адресная агрессия... Вполне возможно, что это каким-то образом связано с капитаном Самойловым...

Стоп! Васильев сказал, что капитан нырнул в люк, ведущий на вторую палубу... Насколько мне известно, капитан теплохода еще не обнаружен. Мне интуиция подсказывала, что он скорее всего жив. Не зря же Васильев был в этом уверен...

Судя по его рассказу, капитан был личностью не слишком сильной, не слишком смелой... Впрочем, у меня недостаточно информации, чтобы делать подобные выводы... Вот если бы с ним самим поговорить. За минуту разговора с человеком можно узнать о нем столько, сколько не вычитаешь за час из его личного дела...

– Григорий Абрамович! – бросилась я к нашему командиру. – Нам нужно спуститься в трюм...

Не только Грег, они все трое уставились на меня удивленно.

– Зачем? – спросил наконец наш майор, искренне недоумевая. – Там будет работать новая смена... Нам отдыхать пора...

– Я не устала, Григорий Абрамович! – я, конечно, врала, но сама искренне верила в то, что говорю. – Разрешите мне тогда одной спуститься...

Этого было достаточно, чтобы оскорбить их всех и разгневать командира. Я, собственно говоря, на это и рассчитывала.

– Во-первых, это будет грубое нарушение техники безопасности спасательных работ. Поодиночке вести поиск в опасных для жизни местах категорически запрещено... Во-вторых, никто из нас не устал, но дисциплина есть дисциплина... Наша смена начнется через три часа, за которые мы должны полностью восстановить силы...

Заметив, что это противоречит тому, что он только что сказал по поводу усталости, вернее, ее отсутствия, Григорий Абрамович смутился и прервал свой командирский монолог... Я тут же этим воспользовалась, чтобы изложить свои аргументы. Не особенно убедительные, честно говоря, но у меня не было никакой уверенности, что кто-то сейчас будет искать капитана в трюме, а найти его было совершенно необходимо. Я просто должна была с ним поговорить, чтобы успокоиться...

– Я только что разговаривала с человеком, который сообщил, что капитан за несколько секунд до столкновения бросился вниз по внутренним лестницам и переходам. Это означает, что наружу он не вышел, поскольку ни среди раненых, ни среди умерших мы его не обнаружили. Я считаю, что направление его движения не изменилось и после столкновения. Тем более что не меньше минуты помещения, через которые он должен был бежать, оставались совершенно целыми. Думаю, что капитан бежал вниз до тех пор, пока была такая возможность... Мне ли вам, Григорий Абрамович, объяснять, насколько важна фигура капитана сейчас для государственной комиссии, устанавливающей причину катастрофы...

По тому, как наш Грег начал сосредоточенно протирать свою лысину носовым платком, размазывая по ней пятна грязи, я поняла, что он засомневался.

– Поймите наконец, что это человек, на которого ложится вся ответственность за случившееся. Он может быть деморализован, может находиться в аффективном состоянии. Он вполне способен сейчас на неадекватные поступки. Что если в этот момент он разбивает себе голову о какую-нибудь железяку?

Глухие удары, раздающиеся откуда-то снизу, сопровождали весь мой монолог. Конечно, ударами головы о корпус судна такого звука достичь было нельзя, разве только голова была металлической. Скорее всего кто-то из спасателей орудовал кувалдой, пробираясь в недоступное место. Но на Грега, похоже, эти звуки больше всего и подействовали...

– Пошли! – коротко приказал он. – В конце концов никто не может запретить нам увеличить свою смену на лишний час...

Ни Кавээн, ни Игорек не стали возражать против такого решения. После получасовых поисков, во время которых облазили все машинное отделение, кубрик, мы остановились в некотором недоумении. Обследовали, дай Бог, пятую часть помещений, находящихся ниже ватерлинии, а затратили на это полчаса. Если подходить к решению задачи фронтально, мы явно не успеем довести работу до конца, потому что физические силы, у меня, например, были на исходе. У мужчин моих, наверное, тоже состояние было далеко не бодрое. Григорий Абрамович выглядел озабоченным и, по-моему, уже жалел, что ввязался в эту авантюру... Кавээн хмурился и поглядывал в сторону, пытаюсь не встречаться со мной взглядом. Игорек тоже сначала помалкивал, а потом взял меня за плечо и сказал с предельной откровенностью.

– Так, Оля... Твоя была идея, ты и принимай решение. Искать нужно избирательно. Все подряд мы за неделю не осмотрим – столько здесь разных закоулков... Ты давай-ка напрягись, спроецируй на себя все, что о нем знаешь, и попытайся представить – куда бы ты пошла на его месте...

Игорька послушать – прямо-таки знаток метода психомоделирования поведения. Беда только в том, что информационно-топографическая база у нас с капитаном разная. Проще говоря, одни и те же вещи на корабле мы называем по-разному. Для меня, например, корабельный колокол – он и есть колокол. А для него – рында... То же самое и с названиями помещений. Как же мы поймем друг друга, вернее, как я пойму его намерение, если не смогу объяснить, даже если и соображу что-то...

Впрочем... Стоит все же попробовать.

Я вспомнила все, что сказал мне о капитане Васильев, заставила себя мысленно повторить все его действия, учла, что он должен был хорошо представлять себе последствия столкновения теплохода с мостом, и внутри меня начала подниматься паника... Я стояла с закрытыми глазами, а ноги поневоле стали дрожать от нетерпения бежать куда-то, скрыться от... От чего? От надвигающейся опасности? Нет! Нет... Об опасности я знаю, знала и раньше... Убежать! Спрятаться. Забиться в темный угол и сидеть там, сжавшись в комок, исчезнув, растворившись во мраке... Спрятаться! Вот главное чувство. От людей – от своего экипажа, от товарищей, от подчиненных, от пассажиров, которые на моих глазах становятся жертвами...

– Он хочет спрятаться от людей... – сказала я вслух. – Одиночество и темнота. Где может быть на теплоходе такое место?

– Трюм! – тут же выпалил Игорек. – Где же еще? Туда неделями никто из экипажа не заглядывает, только случайно. Там самое безлюдное место на судне. И помещение темное, если свет не включать...

Трюм не пострадал от столкновения ни в малейшей степени, он был закрыт на ключ и, наверное, еще и поэтому никому в голову не пришло искать кого-нибудь там...

Не сомневаюсь, Впрочем, что как только чуть-чуть спадет первый угар спасательных работ, как только вытащат всех людей и начнется разборка завалов для контрольного поиска,

часть спасателей, особенно из числа волонтеров, непременно отправится на поиски этого самого трюма... Мы их обычно называем мародерами, морды им бьем, когда ловим, увольняем, но толку никакого. Искоренить это явление невозможно. Пока есть общая беда – будет и мародерство... Я знаю, о чем говорю. Не найдя ничего стоящего в трюме, подобные «спасатели» пройдутся по каютам в поисках вещей пассажиров. А кое-кто из наиболее ловких успел, наверняка, обшарить карманы у всех, кого отправлял на берег, и столь же внимательно следил за чемоданами пассажиров, как и за их растерзанными телами...

Но в трюме, похоже, никто еще не побывал. Может быть, тому способствовало отсутствие обычной пломбы на двери и таблички, удостоверяющей, что это именно вход в трюм. На двери был написан только номер «54». Игорек легко вычислил, что за этим номером, поскольку пару раз плавал по Волге на подобных теплоходах и в силу своей вечной любознательности облазил, конечно, все судно. Теперь ему легко было сообразить – расположение-то специализированных помещений на судах однотипное.

Едва мы срезали, не заботясь о последствиях, замок с двери, вернее, вырезали его аккуратным полукругом, как где-то вдалеке тесно заставленного, но довольно обширного помещения что-то загремело, зашуршало... словно огромная крыса пробежала и забилась куда-то в угол...

– Самойлов! – крикнула я в темноту. – Выходите! Не бойтесь... Вы же мужчина... Вы даже не знаете толком, что случилось там, наверху... Вы боитесь только своих мыслей об этом... А от мыслей не спрячешься даже здесь, в темноте. Вы же сами уже убедились в этом... Выходите... Не заставляйте нас искать вас и ловить, как нашкодившего мальчишку... Вы – капитан. Ваше судно еще на плаву и вы должны за него отвечать...

Нет, мне не удалось его уговорить, и сам он к нам не вышел, но он слушал, что я говорю... Григорий Абрамович почти наткнулся на него, когда, повернувшись, выхватил лучом фонарика покато опущенные плечи и запрокинутую назад голову. Самойлов сидел у стены, прижавшись к ней затылком и закрыв глаза... Он был бледен, словно покойник...

– Здесь он! – крикнул нам Грег, и через несколько секунд Самойлов попал в перекрестье четырех фонарных лучей...

Он открыл глаза и дико заозирался по сторонам. Тело его напряглось, руки задрожали. Капитан был очень сильно напуган...

– Уберите свет! – сказала я резким тоном, и сразу же три луча метнулись в стороны, а мой сполз немного вниз, не ослепляя сидящего на полу капитана.

– Вы Самойлов? – спросила я его, хотя почти не сомневалась, что это он и есть.

– Я был капитаном... – пробормотал он. – Я почему-то не умер вместе со всеми... Никого не осталось... Все умерли... А я решил остаться в живых... Я не понимаю, как я посмел... Это недоразумение... Все сложилось так неудачно... Это бесполезно...

– Успокойтесь, Самойлов, умерли не все, – перебила я его, сама недоумевая, как могло случившееся так сильно подействовать на человека, что привело его психику в нерабочее состояние. – Вы же не видели еще того, что наверху произошло...

– Нет! Нет! – закричал он вдруг. – Я не хочу этого видеть! Я знаю, что там! Я не хочу... Я долго об этом думал... Я не могу этого видеть... На борту оказалось слишком много пассажиров... Я все видел уже – только что, когда сидел с закрытыми глазами...

Вряд ли я стала бы его утешать, в конце концов его жизни опасность больше не угрожала, самоубийство мы ему теперь совершить не дадим, а сидеть рядом и гладить его по головке – с трудом представляю, чтобы такое входило в обязанности психолога...

Я не успела до конца сформулировать свое решение в отношении найденного нами капитана, как нас всех пятерых ослепил мощный луч переносного прожектора, и стало светло, как на пляже в солнечную погоду. У входа стояли пятеро автоматчиков в защитного цвета форме, а в нашу сторону кто-то направлялся. Прожектор слепил глаза и заставлял прикрывать их рукой,

видно было плохо, но я не сомневалась, что это тот самый эфэсбэшный полковник с плохо скрытым комплексом неполноценности...

– Почему я второй раз сегодня застаю вас за деятельностью, которая является нарушением межведомственных соглашений о компетенции силовых структур? – резко начал он опять что-то вроде лекции о правах и обязанностях, а я подумала, что, наверное, только автоматчики сдерживают сейчас нашего Кавээн...

– Вы обнаружили виновника происшедшей трагедии... – продолжал Краевский спокойно, но вдруг перешел почти на визг. – Так какого черта вы расспрашиваете его неизвестно о чем вместо того, чтобы...

Он так же внезапно прекратил визжать и продолжал дальше опять спокойно.

– ...Вместо того, чтобы передать его в руки соответствующих органов, то есть в наши руки?

– Ты знаешь, какой ты орган, полковник? – не выдержал Кавээн. – Вот-вот, тот самый, о котором ты подумал... Забирай своего дристуна и вали отсюда подобра-поздорову вместе с автоматами своими... Ты ведь здесь не на Лубянке. Там наверху – сотни три спасателей, они твои автоматы на части разберут. Вместе с тобой...

– Саша! Саша, спокойнее, пожалуйста, – убеждающе произнес Григорий Абрамович. – Полковник просто очень хочет быть генералом и иногда забывается... Ведь правда, Краевский?

Тот молчал, насмешливо глядя на нас в отблесках прожектора.

– Все, ребята! – сказал Григорий Абрамович, обращаясь к нам. – На этот раз – на берег! И без всяких там посторонних разговоров!

И первым пошел к выходу. Мы двинулись за ним. Замыкающим шел Игорек...

...Всю дорогу до берега я не могла сообразить, что же в словах капитана так меня то ли задело, то ли насторожило?... Ярко выраженное чувство вины? Но это нормально для такой ситуации... Что же еще? Вот, например, почти все его фразы начинались с «Я...» Это – как?.. Да тоже, в общем-то, нормально, если учесть, что вину он полностью принимает на себя, и даже какие-то явные нарушения в психике у него есть...

Так и не придя ни к какому выводу, я свалилась спать, едва только нас привезли на булгаковский берег в разбитые прямо на набережной палатки...

Глава третья

Майор МЧС Григорий Абрамович Воротников, наш командир и «мать родная», ожидающий нас, в силу своих возможностей, от неприятностей и проблем, связанных, главным образом с начальством, сформировался как руководитель в те времена, когда ни одно воинское подразделение, ни один гражданский коллектив не обходились без замполитов или партторгов. В своих политических симпатиях он отнюдь не был близок к коммунистическим идеалам, скорее – наоборот, но методы работы того времени въелись в него неистребимо. Поэтому частенько он устраивал нашему маленькому коллективу какие-то непонятные мероприятия, по форме не то политинформации, не то партсобрания – откровенные разговоры о внутренних проблемах нашей группы, о наших общих заботах. А их у нас, как и в любом коллективе, бывает немало.

Вот и теперь Грег дал нам поспать только полтора часа, а потом устроил свою «политбеседу». На повестке дня у него стояло два вопроса: первый – как бы «внешнеполитический», второй – «внутриполитический».

Он собрал нас в своей палатке, которую на правах командира группы занимал один (впрочем, я тоже занимала палатку одна – на правах женщины, а Кавээн с Игорьком поселились вместе, но исключительно по собственному желанию, каждый из них мог занять отдельную палатку, уж на это-то булгаковские власти не поскупились), и я хотела еще полчасика подремать под его монотонное бормотание... Но хитрый Абрамыч преподнес нам такое сообщение, что сон мой как рукой сняло...

Оказывается, местная газета, в прежние времена называвшаяся «Булгаковская правда», а теперь получившая «сверхоригинальное» название «Булгаковские вести» (в Поволжье половина губернских газет носит название – «... вести», у нас в Тарасове, например, свои «вести» – «Тарасовские») и поменявшая прежний по-партийному выдержанный тон на ошалелую от избытка свободы разухабистость, разразилась сенсационной статьей по поводу катастрофы у булгаковского железнодорожного моста...

Мы втроем расположились на двух спальниках Грега и откровенно зевали, сонно поглядывая на нашего начальника, сидящего в центре палатки на стуле. В руках он держал газету и ждал, когда мы устроимся, чтобы потом никто не отвлекал его своей возней.

– Ну вот, коллеги...

Григорий Абрамович всегда называл нас коллегами на таких «политбеседах», это было его традиционное обращение...

– ...Пришло время посмотреть вокруг и подумать, что же происходит... Не буду говорить много, вы сами все поймете... – и показал нам первую полосу. По самому верху страницы шла надпись красными буквами – «Экстренный выпуск!» Ниже крупным шрифтом набран был заголовок: «Катастрофа на Волге – акт терроризма! «Внуки Разина» требуют отставки губернатора!». И снимки: общий план – ярко освещенные, искореженные мост и теплоход, крупным планом – длинный ряд изуродованных трупов в булгаковском городском морге... – Едрена-матрена! – подал голос Кавээн. – Какие еще, в задницу, внуки?

– Вот это, ни хрена себе, заявочки! – согласился с ним Игорек.

– Читайте, Григорий Абрамович! – подала я дельное предложение.

Сон с меня, как я уже сказала, слетел моментально. С остальных «коллег» – тоже. Абрамыч удовлетворенно хмыкнул и начал читать:

– «Сегодняшним утром, через семь часов после катастрофы, в редакцию позвонил неизвестный и заявил, что народно-освободительная экстремистская подпольная группа коренных волжан «Внуки Разина» берет на себя ответственность за организацию катастрофы у железнодорожного моста». Далее следовала фраза: «Террористические акты будут продолжаться до тех пор, пока булгаковский губернатор Федор Губенко не выполнит требования прогрессивной

общественности Булгаковской губернии: 1 – добровольно уйдет со своего поста; 2 – публично, принародно покается в своих преступлениях – взятках, воровстве, заказах убийств своих политических противников»...

Я взглянула на Игорьку, увидела, что он слушает, раскрыв рот, и тут же поняла, что и у меня челюсть отвисла... Я толкнула Игорьку локтем в бок, и он захлопнул рот, щелкнув зубами. Григорий Абрамыч посмотрел на него поверх очков, ничего не понял, и продолжил:

– «В утреннем выпуске наша газета дала лаконичное сообщение о просшедшей накануне ужасной катастрофе на Волге. Наш корреспондент разыскал очевидцев этого страшного несчастья и подробно их расспросил. Из их показаний и фактов, ставших известными редакции позднее, складывается следующая картина, разыгравшаяся напротив мирно спящей Центральной набережной Булгакова».

Абрамыч оглядел нас, проверяя, слушаем мы его или нет... Конечно, мы слушали! Еще бы! Даже если там откровенная ложь написана (газеты этим часто страдают), мы выслушаем, а уж потом – скептически хмыкнем... А вдруг не ложь? Чем черт не шутит... Грег удостоверился, что слушать мы будем и дальше очень внимательно, и вновь углубился в чтение...

– «В тот вечер у «разинских» боевиков работы было много. Их командир только что получил приказ – террористический акт должен быть произведен нынешней ночью. Теперь или никогда – такое решение принял руководитель «Внуков Разина»...

Главный компьютер, год обрабатывающий информацию о движении поездов по булгаковскому мосту и прохождении под ним теплоходов класса «река-море», выдал уникальную комбинацию – сегодня ночью два таких события совпадут в два пятьдесят восемь утра...

Отряд боевиков должен был успеть за оставшееся до этого момента темное время суток переставить береговые знаки, чтобы направить теплоход по тому из боковых фарватеров, который определил ему сам Тимофей Степанович Разин, подлинный потомок знаменитого волжского злодея-разбойника, Степана Тимофеевича...

Береговые знаки, собственно, и не переставлялись. Заранее на нужных местах были подготовлены их дубликаты, замаскированные до поры до времени в густых волжских прибрежных зарослях орешника и ивняка. Теперь нужно было только установить их на протяжении пяти-шести фарватерных ходов перед мостом, чтобы увести теплоход с истинного фарватера. Сбить с курса...

О том, что капитан может оказаться слишком опытным и заметит изменение фарватера, Тимофей Степанович тоже позаботился. На приближающийся к месту своей гибели теплоход еще во время вечерней «зеленой стоянки» в расположенном выше по течению селенье Старая Майна была заброшена контрольная группа, которая в случае обнаружения капитаном изменения фарватера должна была взять управление теплоходом в свои руки и не дать ему уйти с пути, который определил для него Тимофей Степанович...

Наползающий из прибрежных болот предутренний туман покрывал действия злодеев надежной маскировочной сетью...

Близился час катастрофы. «Час возмездия», как назвал его считающий себя борцом за историческую справедливость Тимофей Степанович Разин. «Час кровавой мести» выжившего из ума политического маньяка, не сумевшего удовлетворить свои амбиции, как назовем его все мы, свидетели ужасной катастрофы, родственники и друзья погибших и раненных во время нее людей...»

– Ну, дальше тут какой-то бред о благодеяниях, которые совершил для Булгаковской губернии Федор Губенко за год своего губернаторства... – Григорий Абрамович сложил газету и посмотрел на нас внимательно – проверял, совпадает ли наша реакция на то, что мы услышали, с его отношением к прочитанному.

У нашего майора есть особый пункт – он считает совершенно необходимым абсолютное единомыслие по принципиально важным вопросам. Например, по отношению к смерти

человека. Смерть – это всегда трагедия. Так считает наш командир. Так считаем мы все. Наверное, это одна из причин, по которой все мы оказались в спасателях...

Столь же серьезное отношение у него и к своей работе. Он спасает людей, помогает им сохранить жизнь. И все мы разделяем это его отношение...

Я хорошо поняла, зачем он прочитал нам эту странную статью... Слишком отдает от нее опереттой, фарсом каким-то... Григорий Абрамович категорически против своего участия в фарсе. И если мы сейчас примем решение, что все написанное в статье – правда, через два часа мы уже будем на пути в Тарасов. Даже если это будет грозить ему разжалованием и увольнением из рядов спасателей МЧС. Поэтому и смотрел он на нас так внимательно... Он мог работать только с единомышленниками.

Первым нарушил молчание Кавээн. Это было традицией, отражающей разность наших трех темпераментов, или нашей психической организации. Александр Васильевич Маслоков, самый опытный среди нас после командира, мыслит прямо, но поверхностно, не анализируя внутренней связи фактов, а просто оценивая их по внешнему ряду – правдоподобны или нет? Именно поэтому его легче всего обмануть... И, наверное, поэтому женщины около него не задерживаются... Женщина всегда ищет глубины и внутренней связи...

– Ну нет, – сказал он, – за пару часов поменять фарватер – это фантастика. Я как-то у нас в Тарасове пил с одним дружбаном у такого берегового знака. Там без крана не обойтись... Машина такая из полосатых досок на металлическом основании...

Кавээн вроде бы и возражал против только что услышанной версии, но в голосе его слышалось какое-то сомнение. Поэтому Григорий Абрамович повернулся всем корпусом в Игорьку, давая понять Кавээну, что с его позицией он разобрался и она ему не очень понравилась. Кавээн задумчиво выпятил нижнюю губу, замолчал и уставился в угол палатки. Это означало, что он пытается найти еще какое-то несоответствие в газетном рассказе.

– Первое, – уверенно заявил Игорек – и главное. Все это чушь. Бред сивой редакционной кобылы... Взять хотя бы этого Тимофея Степановича Разина – явно вымышленная фигура...

– Поставь любое другое имя, – перебил его майор и вновь внимательно на него уставился.

Игорек слегка смутился, но продолжал столь же уверенно.

– Согласен, это-то как раз может быть и псевдоним, рассчитанный на возрождение народного самосознания... Но тут же есть и явные логические несуразицы... Например, эта компьютерная координация графиков прохождения поездов и судов. С точки зрения логистики – абсолютно невозможная задача...

Наш Абрамыч не страдал комплексом неполноценности, поэтому всегда сразу же спрашивал о том, чего он не знает, без малейшего смущения.

– Так, – снова перебил он Игорька. – сначала объясни, что такое логистика, потом аргументируй, почему это невозможно...

– Логистика – это то же, что математическая логика, – Игорек объяснял без малейшего превосходства над Грегом, наоборот – сам был смущен от того, что знает больше своего командира. Умел-таки наш Грег себя поставить в группе. – С помощью этого осуществляются организация и расчет транспортных потоков. Поиск, так сказать, наиболее оптимального варианта... А невозможно потому, что на речном транспорте нет такого точного графика прохождения контрольных точек. Не говоря уже о том, что и на железной дороге такой график никогда не соблюдается. В результате у нас возникает система из двух неизвестных со случайными коэффициентами, имеющая бесконечное множество решений...

– Мудрено, но не убедительно... – вновь перебил его Абрамыч. – И знаешь, почему? Потому, что из бесконечного множества твоих решений на деле осуществилось самое невозможное – они-таки встретились... Теплоход с поездом... И изуродовались оба.

Игорек прикусил губу, но Григорий Абрамыч смотрел на него, давая еще один шанс. Он знал, что потенциал у Игорька достаточно большой, и хотел использовать его полностью.

– Ну хорошо... – уже менее уверенно сказал Игорек, – а реально ли вообще существование довольно мощной боевой организации с каким-то дурацким названием? С узкопровинциальными целями? Реально ли использование терроризма в разрешении вопросов провинциальной политики? Ведь этого нет фактически в столь развитой форме даже на федеральном уровне. По-моему, никаких «Внуков Разина» не существует. Обычная газетная «утка»... Чтобы тираж повысить... Кустарная, в принципе, работа...

Ясно было, что Игорек выдохся, но Григория Абрамовича не убедил. Грег полез в карман своего спецкомбинезона и достал еще одну газету. Развернул ее и показал Игорьку, а потом нам с Кавээном. Это оказался свежий, сегодняшний номер «Известий». Статья из «Булгаковских вестей» оказалась перепечатанной в «Известиях», правда, с сокращениями и комментариями... Что-то там насчет национально-освободительных движений в Среднем Поволжье, о пробуждении национального самосознания в поволжских автономных республиках и усилении, в связи с этим, левозэкстремистских настроений... Больше я уцепить из текста не успела, но и этого было достаточно для того, чтобы понять – многие поверили в эту версию, уточнили и нашли для ее обоснования новые аргументы. И это уже не провинциальная стряпня левой ногой, а высококвалифицированная работа столичных «акул пера».

Григорий Абрамович повернулся ко мне в последней надежде, что хоть я сумею развенчать эту сказку о террористическом акте...

А я решила вообще не говорить о том, что услышала. Зачем опровергать искусственно сконструированную версию, когда гораздо проще начать анализировать факты, которые известны тебе достоверно... Факты сами разрушат эту явную ложь...

– У меня есть несколько принципиально важных наблюдений, которым пока не нахожу объяснения, – начала я и заметила в глазах у Абрамыча некоторое недоумение, он еще не понял, к чему я веду этот разговор. – Первое: странное внимание полковника ФСБ Краевского к работе нашей группы. Оно может быть связано с его социально-психологическими проблемами, с давно укоренившейся неприязнью к конкурентной силовой структуре, то есть МЧС, с какими-то неизвестными мне личными счетами с ним у командира нашей группы...

Григорий Абрамович в этот момент задумчиво покачал головой.

– Наконец, – продолжала я, – повышенное внимание ФСБ к тем людям, с которыми мы входили в контакт. Я имею в виду помощника капитана Васильева и самого капитана судна – Самойлова...

Я сделала короткую паузу, но Григорий Абрамович ничего не сказал. Ни за, ни против. Я продолжила.

– Второе наблюдение, требующее объяснения... Странное поведение капитана судна во время катастрофы, известное нам со слов его помощника, и после аварии, до того момента, как его отобрал у нас Краевский. Можно, конечно, объяснить это патологической трусостью капитана, но я сомневаюсь, что такой человек мог долгое время работать капитаном. Васильева поразило поведение капитана во время столкновения теплохода с мостом. Если люди долго работают вместе, трудно скрыть свою трусость. Вспомните, наконец, что говорил капитан, когда мы его обнаружили... Да, это был страх. Но не страх смерти... Скорее страх перед жизнью... Перед людьми. Он боялся выйти наверх и посмотреть на то, что осталось от его теплохода и что стало с несколькими сотнями его пассажиров... Поведение до и после аварии странным образом согласуется с пассивностью в момент аварии, то есть с бездействием. Помощник сказал, что можно было избежать аварии непосредственно перед самым столкновением – стоило только развернуть теплоход. Не мог капитан не сообразить столь простой вещи. Но он стоял и только смотрел, когда помощник пытался действовать... Первая реакция человека на опасность именно такая, какая была у помощника.

Я вновь посмотрела на Абрамыча. Он, как мне показалось, очень заинтересовался моим «докладом» и слушал с напряженным вниманием.

– Вывод, который я вынуждена сделать, однозначен: реакция капитана свидетельствует о том, что он знал о предстоящей аварии.

Грег полез за своим платочком, чтобы вытереть неожиданно вспотевшую лысину, Кавээн смотрел на меня с недоверчивым удивлением, а Игорек с явным обожанием. Я решила сделать следующий шаг в своем анализе – что ж останавливаться на полдороге...

– Но самое интересное в этой его реакции – причина, по которой он не мог предотвратить последствия, которые хорошо представлял себе задолго до приближения к мосту. Он столько о них думал, что пережил их заранее, в своем воображении. А из трюма выходить не хотел, чтобы не получить подтверждения своему кошмару... Но причина его бездействия нам неизвестна, никакой информации по этому вопросу нет, следовательно, нет возможности и строить достоверные предположения... Дальше начинается область чистой фантазии...

– Да-а-а! – протянул Григорий Абрамович с неопределенной интонацией.

– Возвращаясь к газетной статье, вынуждена констатировать явное несоответствие поведения реального человека изложенным в ней фактам. Зачем нужно было посылать на судно спецгруппу для подстраховки действий капитана? Если он сам знал о предстоящей аварии? И еще... Скажите на милость, зачем было нужно столькими трудами и титаническими усилиями возводить новые береговые знаки? Только для того, чтобы направить теплоход не по главному фарватеру, а по боковому? Это сделал сам капитан. Я в этом уверена. Что остается в рассказе? Одно название гипотетической организации – «Внуки Разина» и мифическая фигура ее руководителя – Тимофея Степановича Разина... То есть практически – ничего. Даже если они и существуют, что я готова, в принципе, предположить, я тем не менее уверена на сто процентов, что к катастрофе они не имеют абсолютно никакого отношения...

Заметив, что Грег собирается что-то сказать, я поторопилась его предупредить:

– Простите, Григорий Абрамович, я еще не закончила... Из совсем уже случайных наблюдений у меня сложилось странное впечатление, что на аварию собралось слишком много зрителей, – накануне катастрофы проходил праздник рыбака и после него в районе моста был разрешен ночной лов без ограничений. Это, между прочим, – грубое нарушение правил рыбнадзора, людей штрафуют за это и даже лодки конфискуют в крайних случаях. А тут кто-то берет на себя ответственность за массовое нарушение Закона об охране природы. В результате в районе катастрофы находилось около полусотни рыбацких лодок – «казанок» и «прогрессов». Станный факт для совпадения... Еще одно совпадение – на обоих берегах совсем недавно открыты новые подстанции «Скорой помощи». Можно еще понять, что такая станция вполне могла быть открыта на булгаковской стороне. Но зачем она нужна на практически голом противоположном берегу? Кого она должна была обслуживать? Два десятка рыбаков и пару сотен дачников? Да ее персонал помер бы от скуки, если бы не эта катастрофа... Я не могу проанализировать эти факты, поскольку к психологии они имеют, мягко выражаясь, отдаленное отношение, а для чисто дедуктивного анализа не хватает информации...

– Ну, уж позвольте и мне сказать, капитан Николаева, – сказал Грег, и я даже засмузилась от такого обращения. У Грега обращение по званию и фамилии было проявлением его искреннего уважения к собеседнику.

– Я тоже не все сказал... Но теперь не знаю, как относиться к той информации, что у меня есть. Может быть, вместе решим?.. Дело в том, что получил я сегодня нагоняй от руководителя спасательных работ...

Мы сразу присмирели... Руководитель спасательных работ на катастрофе такого масштаба – должность генеральская. Начальство немаленькое. Дело, значит, серьезное...

– И знаете, за что нагоняй? До этого нашего разговора я думал – справедливый нагоняй, расстроился даже, а после Олиных рассуждений и выводов... Короче, генерал Кольцов минут пять распекал меня за то, что наша группа проявляет излишнюю активность в делах, прямо не связанных со своей задачей. Я голову сломал, думая о том, что же мы такое нарушили,

какую такую субординацию. Пока шел сюда, решил, что это Краевский накапал. Разозлился даже... А сейчас засомневался... Видно, что-то Оля зацепила настоящее... Но тем не менее мы должны, наверное, сделать вывод: генерал Кольцов имел в виду Ольгины разговоры с помощником капитана и самим капитаном.

Григорий Абрамович помолчал, обвел нас взглядом и спросил:

– Как будем относиться к такому контролю со стороны начальства? Как реагировать на критику будем? Вопрос, между прочим, серьезный... От его решения многое зависит. Можно сказать – работа наша зависит. И не только здесь – работа вообще. А я на пенсию пока не хочу... Рановато мне на пенсию...

– Да и я увольняться из рядов не собирался, едрена-матрена, – заявил Кавээн. – Но мне совсем не нравится, когда мне указывают, что можно делать, что нельзя... У нас каждый салага знает – спасатель всегда принимает решение сам, в зависимости от обстановки... Если Кольцов об этом забыл – это его проблема, а не моя... Я так работать не умею – туда не лезь, этого не спасай, здесь не стой, туда не ходи...

– Абрамович! И вы, леди и джентльмен! – с пафосом начал Игорек. – Есть вещи, которые мы чтим свято. Не рассуждая... Я говорю о Кодексе Первых Спасателей... И будь ты хоть двадцать раз генерал, ты не вправе запретить мне думать во время спасательных работ. Я считаю, Абрамыч, нужно плюнуть и растереть. Официально Кольцов на тебя никакого взыскания наложить не сможет. Если бы это меня одного касалось – даже и сомневаться не стал бы! На спасательных работах я вправе принимать решение абсолютно самостоятельно, в зависимости только от оперативной обстановки. А обстановку на месте работы никто лучше меня знать не может... Ни один из генералов.

– Ладно, Игорь, успокойся, я твою позицию понял, – остановил его Грег, сообразив, что Игорек уже пошел «кругами».

Осталось только мне высказаться.

– В целом я согласна с мнением, которое сейчас было изложено, – сказала я. – Могу добавить о себе лично. Я не из тех упрямых натур, которые с большим удовольствием делают то, что им запрещают. Это детство. Но не думать о причинах катастрофы и не предпринимать шаги для получения информации, с этим связанной, я уже просто не смогу. Если это не нравится генералу Кольцову, пусть объяснит мне это сам. Мы не в ФСБ служим, чтобы пытаться давить на меня через моего начальника. Я не нарушила ни одного параграфа утвержденного приказом министра Устава спасательной службы, ни одного из неписанных принципов Кодекса Первых Спасателей. И мне очень не нравится, что я второй раз за несколько часов слышу фактически одно и то же от разных людей – нашего генерала и полковника ФСБ Краевского. Тот тоже отчитывал меня...

Я споткнулась и поправилась.

– ...нас то есть, за то, что лезем не в свои дела... Меня, например, очень интересует вопрос – почему, собственно, нам нельзя двигаться в эту сторону... Значит, кормить людей всяким газетным бредом о «внуках»-террористах – можно, а о настоящих причинах катастрофы думать нельзя!

Тон у меня, надо сказать, был решительный.

– Нет, Григорий Абрамович! Я думать буду, и с людьми разговаривать буду. Во-первых, я так устроена, а во-вторых, это – моя профессия, мое дело. Предупреждаю заранее, я узнаю в штабе спасательных работ, сколько пассажиров было в этом злополучном рейсе на «Сергее Есенине». Не думаю, чтобы это была столь уж секретная информация.

– Зачем? – спросил Абрамыч, и я поняла по интонации, что ему самому интересно стало.

– Капитан Самойлов, насколько я помню, – ответила я, – сказал какую-то непонятную фразу: «Пассажиров на теплоходе было слишком много»... Или что-то в этом роде... Я не могу ее никак интерпретировать, потому что мне не хватает информации. Я не знаю, сколько

на самом деле было пассажиров в ту ночь на судне, сильно ли оно было перегружено, как утверждает капитан, могло ли это ухудшить его ходовые качества и затруднить управление им... Мне нужно это знать.

Григорий Абрамович встал и поднял обе ладони, как рефери на ринге, останавливающий боксеров. Хотя мы в драку и не лезли.

– Все, коллеги. Закончили. Мне настроение группы ясно. Пора работать... Добавлю все же, – продолжил он, сделав секундную паузу, – что я это настроение разделяю... Мы не подменяем собой следственные органы, как это утверждает полковник ФСБ Краевский, с которым, кстати, у меня нет никаких старых счетов, хоть знаем мы друг друга давно, с Чернобыля... Мы не превышаем свою компетенцию, как это утверждает генерал Кольцов. По крайней мере, пока не превышали... Не думаю, что можно счесть таким превышением и Олин интерес к числу пассажиров на теплоходе. Это информация открытая...

Он осмотрел нас, как полководец перед сражением, и объявил:

– Через три минуты в полной боевой готовности собираемся у катера. Задача на смену – окончательное обследование корпуса судна на предмет установления погибших. Задание ответственное. Через восемь часов теплоход будут снимать с вынужденной стоянки и отбуксируют на местный судоремонтный завод, где корпус будет разрезан на части. «Сергею Есенину» осталось совсем недолго существовать в своем прежнем виде. Работа должно вестись с максимальной тщательностью, чтобы не осталось ни малейших сомнений, что на судне есть хотя бы еще одно тело погибшего человека, иначе график работ будет сорван и обследование повторено. А вот это уже будет говорить о нашем с вами непрофессионализме... Все. Жду всех на берегу.

Когда мы выбрались из палатки, Абрамыч взял меня за руку и сказал вполголоса:

– Если ты задержишься на некоторое время на берегу, я не обращаю на это особого внимания... Штаб спасательных работ знаешь где?..

...Конечно же, я воспользовалась намеком своего командира и задержалась на берегу, когда наша группа отправилась на теплоход. Приказать мне продолжить сбор информации о причине катастрофы он не мог, но и запрещать не хотел. Поэтому предоставил самостоятельность в действиях. Что ж, спасибо. Большого и не нужно.

Однако в планы мои входило не только добыть сведения о числе пассажиров. Самостоятельность я привыкла толковать в широком смысле, иначе какая же это самостоятельность. Бегать вдоль запрещающего проход барьера и испытывать от этого удовольствие я не могу. Прежде всего я не понимаю, почему мне нельзя интересоваться – как погибли люди, тела которых я совсем недавно вытаскивала с искореженного теплохода. Почему я должна остановиться, если моя мысль и моя интуиция настаивают на том, что надо шагнуть дальше? Только из-за нежелания генерала Кольцова допустить меня к информации? А собственно, почему? Терпеть не могу монополий...

Штаб спасательных работ располагался на Центральной набережной в здании шестнадцатизэтажной гостиницы, носящей название «Волна». Шестнадцати этажей, пожалуй, маловато было для множества начальствующего люда, слетевшегося на место катастрофы. Чем больший пост занимает человек, тем большая свита его сопровождает – разные там секретари, референты, помощники, заместители, охранники и так далее. Посмотришь иной раз на эту кучу людей, выющихся вокруг одного начальника, и думаешь: «До чего несамостоятельный народ эти большие чины – шагу не могут сделать без референта или помощника. Интересно, везде это так? Или это какая-то особая специфика истинно русского национально-бюрократического характера?..»

Я не стала появляться в штабе в форме спасателя, справедливо полагая, что три минуты на то, чтобы потом переодеться в своей палатке, у меня найдутся... А в обычной одежде зате-

ряться среди множества дамочек и молодых людей было очень просто. Я могла представиться, например, родственницей кого-то из пассажиров, но это не помогло бы мне решить свою главную проблему – я хотела попытаться проникнуть туда, где содержали капитана Самойлова, которого допрашивали сейчас члены государственной комиссии. Работала комиссия здесь же, в гостинице, занимая три верхних этажа. Как мне осуществить свое намерение, я представляла с трудом, я же не частный сыщик, в конце концов, отработанных приемов для таких ситуаций у меня нет, но надеялась на удачу и свою способность к импровизации.

Как ни странно, мне удалось практически беспрепятственно проникнуть на пятнадцатый этаж, на котором и находился, по моим расчетам, капитан «Сергея Есенина». На шестнадцатом заседала сама комиссия, а на четырнадцатом наверняка располагались всевозможные пресс-секретари и референты. Они всегда занимают позиции на краю зоны ограниченного доступа, поскольку общаются с журналистами, а кто же пустит представителей средств массовой информации хотя бы на один шаг дальше, чем это разрешено начальством?

Хорошо зная отношение охраны к журналистам, я и не пыталась выдавать себя за корреспондента какой бы то ни было газеты. Будь ты хоть из «Морнинг стар», хоть из «Плейбоя» – это не поможет тебе продвинуться на шаг дальше корреспондента каких-нибудь «Урюпинских ведомостей». Мне помогли сам генерал Кольцов, моя профессия и инерция психической реакции, свойственная каждому человеку.

Я опробовала свой метод на первом же охраннике, который преградил мне путь в лифт, работающий только на три последних этажа. Четко, как того и требует устав, я отбарабанила ему:

– Секретарь-референт генерала Кольцова капитан МЧС Николаева. Отдел экстремальной психологии. Секция оперативных экспертиз.

И сунула ему в лицо свое развернутое удостоверение. Поближе к глазам, чтобы не смог внимательно прочитать. В удостоверении было подтверждение двум фактам, которые я только что о себе сообщила: там было указано, что я действительно капитан МЧС и в самом деле – экстремальный психолог второй категории. А доставать список генеральской свиты и искать в нем, внесена ли фамилия Николаевой в число лиц, которым разрешен беспрепятственный допуск на три верхних этажа, охранник то ли постеснялся, то ли счел излишней формальностью. На что, собственно, я его и подбивала. Или – «что и требовалось подсказать», как любит выражаться наш Игорек.

Я так и не поняла, какая структура выставила свою охрану на этаже, но это не имело существенной разницы – фамилия генерала Кольцова звучала магически и для МЧС, и для ФСБ. Может быть, дело в том, что на его уровне эти две силовые структуры взаимодействовали очень тесно? Во всяком случае охрана пропускала психолога-референта генерала Кольцова практически беспрепятственно.

Споткнулась я только у самых дверей комнаты, где находился капитан Самойлов. Вычислить ее оказалось не так уж и сложно. Очередной охранник, проверив мое удостоверение, на мой полувопрос-полуутверждение: «Капитан Самойлов?», произнесенное очень неопределенным тоном, машинально указал на необходимую мне дверь.

Около нее стоял не один, не два, как обычно, а шестеро охранников... Я сразу поняла, что что-то здесь не так... Не могут несчастного капитана охранять шесть человек. Они же толпятся у двери и только мешают друг другу. И тем не менее – толпились и мешали.

Все они были в защитной, камуфляжной форме. Один преградил мне дорогу. Посмотрев мое удостоверение, он несколько растерялся и оглянулся на других. Подошел еще один, с совершенно бандитской внешностью, и, даже не глядя на мой документ, заявил категорически:

– Нельзя!

– Почему? – спокойно поинтересовалась я и добавила на всякий случай: – Экспертная психологическая служба генерала Кольцова...

Охранник посмотрел на меня насмешливо и нагло. Давно заметила, что чем сильнее и примитивнее по психической организации мужчина, тем с большим удовольствием он хамит женщинам. Не такой уж это и банальный факт, между прочим. Дело в том, что примитивная психика такого мужчины бессознательно воспринимает сложную женскую психическую организацию как опасность для себя. И сразу же кидается в драку. Защититься хочет от непонятной и своей непонятностью еще более пугающей опасности...

– Слушай, телка! – глазами он меня уже раздел, оценил, как я поняла, достаточно высоко и сейчас сожалел только о том, что нельзя тоже самое сделать руками. – Ты в сортир хоть раз ломилась, когда там на толчке уже кто-нибудь сидит? Тебе что тогда отвечали? «Занято»? Так вот, сообщаю, – занято!

Я уже поняла, что четверо из шестерых наверняка не принадлежат ни силам МЧС, ни ФСБ... Слишком на бандитов похожи – тем, как держатся, как сутулятся и смотрят – нагло и вызывающе...

– И кто же там... – я кивнула в сторону двери. – ...на толчке?

«Бандит»-охранник хохотнул. Он уже хотел развить свой, как ему показалось, успех, но тут вмешался один из «наших» охранников. Он неприязненно покосился на того, кто мне хамил, и сказал спокойно:

– Губернатор здешний... Вот кто псих-то... Слышишь, как орет?

Я и без того уже напряженно прислушивалась к крикам, доносящимся из-за двери, озлобленная только одним, чтобы никто не понял, что эти-то самые крики меня и интересуют чрезвычайно...

Кричал он, к сожалению, не слишком громко, как-то сдавленно, и слов было не разобрать, только интонацию – возмущенно-обвиняющую, презрительную... Но много ли информации в интонации?

Увлеченная подслушиванием и одновременно маскировкой этого, я не заметила, как один из охранников отлучился и вернулся уже не один, а с молодым и развязным хлыщом, который сразу же направился ко мне и потребовал документы. Я напряглась. Если меня разоблачат – выйдет большой скандал. Ведь именно сейчас я и занимаюсь тем, за что получил нагоняй наш командир. Но к кавалерийским наездам я всегда заранее готова. Что-то не похож он на того, кто старше меня по званию... Тогда у меня есть возможность не показывать ему свои документы...

– А вы-то, собственно, кто такой? – спросила я и чуть не рассмеялась, сообразив, что мы с ним сейчас похожи на Шуру Балаганова с Паниковским... – Мужчины, обычно, представляются первыми...

– Ну хорошо... – буркнул он и с откровенным высокомерием и чувством превосходства сунул мне под нос удостоверение.

«Морозов Эдуард... – цепляла я глазами обрывки слов, зная, что больше секунды он мне свой документ демонстрировать не будет. – Федеральная... безопасности. Лаборатория психопатологии».

У меня отлегло от сердца. У него даже звание не указано. Значит, гражданский. Такой же эксперт, каким и я себяставляю, только из другой структуры. Значит, скушает мою легенду, тут сейчас такая неразбериха... А может быть, даже и поможет к капитану проникнуть. Коллега все-таки, хоть и из параллельной структуры...

Но я ошиблась в своих предположениях. Этот самый Морозов вспылал ко мне неприкрытой неприязнью. Едва он услышал от меня, что я тоже психолог и мне необходимо увидеть капитана Самойлова, чтобы сделать заключение для своей службы (я специально не уточняла – какое заключение, для какой службы – это он и сам додумает, главное, чтобы правдоподобно и уверенно прозвучало), как его словно подменили. Из настороженного и подозрительно высо-

комерного он сразу же превратился в насмешливого и снисходительного мэтра, объясняющего с молодой глупой дурочкой. И начал просто кривляться.

– Заключение! – протянул он издевательски. – Это ты, девочка, опоздала. Заключение теперь я буду давать. Для того и вызвали из Москвы. Так и передай своему начальству. Заключение – это к Морозову. И по поводу Самойлова, и по поводу Васильева. Все – к Морозову. Он, мол, очень большой специалист по заключениям... А тебе, крошка, делать тут нечего. Ты теперь – без работы... Раньше надо было, пока меня здесь не было...

Он откровенно издевался и ерничал. Охрана помалкивала, только тот, что меня отшил своими «туалетными» шуточками, смотрел на меня откровенным взглядом голодного самца. А Морозов, кажется, получал наслаждение от собственного, как он полагал, остроумия...

– Ты что, глупышка, и в самом деле, хотела к Самойлову на прием попасть? Он же знаменитым стал. И его помощник – тоже. Эти люди слишком популярные, чтобы с каждой смазливой девчонкой общаться. С ними теперь только министры разговаривают... Сам губернатор еле прорвался, как видишь... Слышишь, кстати, как орет? Серьезный человек, судя по голосу...

Слышала ли я! Да я только из-за этих криков, которые вдруг резко усилились (может быть, дверь слегка приоткрылась, или губернатор контроль над собой потерял?), и терпела болтовню наглого москвича. Он думал, что я его слушаю. А я слушала, как кричит на капитана Самойлова булгаковский губернатор...

– Но почему это случилось в тот момент, когда по мосту шел поезд? Как ты посмел! Ты! Идиот!.. Самоубийца!.. Ты сам все решил...

Эта тирада донеслась до меня слишком отчетливо, чтобы можно было сомневаться в услышанном. Хотя истинный смысл этих фраз от меня и ускользал, слова надежно запечатлелись в памяти...

Дверь неожиданно резко распахнулась и из комнаты хозяйской походкой вышел высокий и плотный человек с кудрявой густой шевелюрой на голове, разгневанным взглядом зацепил меня с болтуном-москвичом и, проигнорировав нас, словно каких-то букашек под ногами, как танк, двинулся к выходу с этажа. Четыре охранника, будто свора дворняжек, засеменили за ним по коридору...

Я уже хотела повторить свою попытку проникнуть к Самойлову, но в конце коридора показался полковник Краевский. Встреча с ним никак не входила в мои планы. Я быстро повернулась лицом к Морозову и кокетливо ему улыбнулась...

– Ни разу не встречалась ни с одним из московских психологов...

В слово «встречалась» я намеренно вложила интонационную двусмысленность. Он даже глаза на меня вытаращил. А я, напирая на него грудью, словно мадам Грицацуева на Бендера, затолкала его в соседнюю комнату, из которой он недавно вышел, и сказала очередную двусмысленность грудным, волнующим мужчин голосом:

– Надеюсь, у вас не много работы с этими вашими популярными подопечными. Вы найдете сегодня вечером пару часов, чтобы поделиться со мной опытом – как делать заключения?

Самый умный мужчина часто становится полным дураком, когда женщина сама идет ему в руки... А Морозов к тому же оказался не очень умен... Он смотрел теперь на меня, как кот на жирную мышь.

– У-ух, крошка, – томно прошептал он, – ты мне нравишься все больше... Я научу тебя и заключениям, и соприкосновениям, и проникновениям...

Его длинные руки с потными ладонями слишком свободно начали себя вести и оказались на моей талии с явным намерением переползти на грудь... Пожалуй, достаточно. Краевский не будет долго торчать в коридоре... А Морозову в наказание устроим «динамо»...

Я отстранилась от него и, уже приоткрыв дверь, ляпнула наобум – поскольку совершенно не знала города: я, кроме набережной, ничего в Булгакове не видела. Ну что ж, пусть поторчит на набережной...

– Сегодня в девять. На Центральной набережной. У тридцать девятого фонаря, считая от моста... Не опаздывайте, Морозов...

И выскользнула в коридор.

Уйти из гостиницы не составило никаких проблем, на выходе никто документов не проверял. Но перед тем, как уйти, я зашла в диспетчерскую спасательных работ на втором этаже и за пару минут выяснила, что на борту теплохода в последнем рейсе было всего двести пятьдесят восемь человек. То есть пассажирская вместимость была использована на семьдесят процентов... Разве может это называться – «слишком много пассажиров»? Слишком много для чего?

Так и не найдя ответа на этот вопрос, я представилась симпатичной молоденькой девушке-консультантке из числа волонтеров МЧС журналисткой и попросила ксерокопию списка пассажиров, которую и получила буквально через минуту... Стоило только аргументировать свою просьбу тем, что моя газета собирается якобы опубликовать этот список, чтобы облегчить усилия родственников раненых и погибших, разыскивающих своих родных...

Сама не пойму, как это случилось, но я пропустила свою рабочую смену на теплоходе. Абрамыч, наверное, с ума там сошел, волнуясь за меня... Хотя... Не девочка же я, в конце концов... Раз не приехала на теплоход, значит, произошло что-то важное...

Но на самом деле ничего фактически не случилось... Просто, когда я уже переодевалась, меня что-то дернуло включить телевизор, стоявший у меня в палатке. Игорек раздобыл у какого-то прапорщика-интенданта два телевизора, один мне отдал, а второй себе с Кавээном в палатку поставил. Плохонький такой телевизор, черно-белый, с маленьким экраном, с ломанной-переломанной антенной. Каналы переключать – только плоскогубцами, которые Игорек мне доставил в комплекте с телевизором...

Не знаю, чего я хотела, когда включала этот допотопный аппарат, может быть, просто минуты три музыку послушать, но передавали в это время «Вести» на РТР и, естественно, не обошлось без информации о булгаковской катастрофе. Но информация была такая, что я как была в наполовину надетом комбинезоне, так и села на раскладушку перед телевизором... Симпатичная ведущая (никогда, кстати, не запоминаю их имен) сообщила, глядя мне прямо в глаза:

«Представитель компетентных органов, не захотевший, чтобы не только его имя, но и название организации, которую он представляет, фигурировали в эфире, сообщил нашей программе, что в погоне за сенсацией редакции некоторых столичных изданий стали жертвами дезинформации. Вслед за «Булгаковскими вестями» многие газеты сообщили о существовании так называемой народно-освободительной экстремистской подпольной группы коренных волжан «Внуки Разина», которая якобы взяла на себя ответственность за организацию террористического акта у железнодорожного моста через Куйбышевское водохранилище на Волге в районе города Булгакова.

Компетентный орган, который представлял наш корреспондент, заявляет, что «Внуки Разина» – это название краеведческого кружка в расположенном ниже по течению Волги городе-спутнике губернского центра – Новобулгаковске. Никаких боевиков среди новобулгаковских краеведов нет. В кружке состоят трое учителей пенсионного возраста и два десятка школьников, учащихся третьих – восьмых классов новобулгаковских школ. По свидетельству учителей и ребят, в редакцию газеты «Булгаковские вести» никто из них не звонил и никакого заявления по поводу катастрофы не делал...

Можно было бы счесть провинциальных журналистов, а вслед за ними и их столичных коллег жертвами циничного розыгрыша и собственной доверчивости. Но их доверчивость с большой выгодой для себя использовал губернатор Булгаковской области Федор Губенко. В заявлении мифических террористов его имя связывалось с причиной катастрофы. Воспользовавшись этим, губернатор проводит сейчас серию митингов в свою поддержку, громя своих противников, обвиняя их в цинизме и преступлении против человечества.

Что же касается истинной причины катастрофы, то она еще не установлена. Государственная комиссия продолжает свою работу, снимая показания с капитана теплохода «Сергей Есенин» и его помощника...»

Еще не дослушав до конца, я принялась стаскивать с себя так и не надетый до конца комбинезон и вновь натягивать мое гражданское платье, делающее меня легкомысленной, по крайней мере, на первый взгляд, и провоцирующее мужчин на проявление своего расположения ко мне.

Не пойду же я искать Ефима в спецкомбинезоне... Он же не на мосту будет торчать и не на останках теплохода, он сейчас наверняка в гостинице «Волна», где-нибудь поближе к шестнадцатому этажу, к заседающей государственной комиссии, чтобы первым узнать и первым сообщить о ее выводах.

Ефим Шаблин – мой старинный друг-репортер, с которым мы познакомились в Москве во время известного августовского путча в девяносто первом. Я тогда была глупой студенткой факультета психологии тарасовского университета, только-только определившейся с темой диплома и мобилизованной МЧС через Министерство высшего образования. В Москве нам кратко объяснили задачу и рассредоточили по местам скопления народа.

Фима был в то время начинающим газетным репортером, только-только опубликовавшим свои первые репортажи. Оба мы были молодыми, оба – глупыми, оба – наивными... Мы как встретились у «Белого дома», так и не расставались двое суток...

С тех пор, как приезжаю на место бедствия, обязательно внимательно смотрю на шныряющих повсюду журналистов. И в семи случаях из десяти обязательно встречаю Фимку... Здесь, в Булгакове, я его уже видела, правда, мельком, издалека. Но поставила себе в уме галочку – непременно его разыскать и посидеть, поболтать со старым приятелем... А теперь у меня к нему и просьба появилась.

Фимка просто счастлив будет мне помочь. Он долго в меня влюблен был, пока не дошло до него, что из этого все равно ничего не получится. Не воспринимаю я его как мужчину, хотя и уважаю как хорошего друга. Он дулся на меня сначала, а потом то ли привык, то ли понял, что глупо это... Короче, с тех пор дружим, не отягчая наши отношения межполовыми проблемами...

В гостинице у дежурного координатора на первом этаже я узнала номер его пейджера, который предусмотрительный Фима оставил в Булгакове в самых разных местах, чтобы расширить свою «контактную зону», как он выражался. Передав сообщение, в котором я назвала себя и попросила его позвонить дежурному координатору, я прождала его звонка минут десять и уже хотела, слегка обидевшись, повторить вызов и кое-что добавить поэмоциональней в его адрес, как из лифта буквально вылетел вечно спешащий Фимка и бросился ко мне целоваться с криком:

– Ольга! У меня есть четыре минуты! Две минуты говоришь ты, две – я! Начинай!..

Понятно. Он вместо звонка сам решил явиться. Молодец, Фима, умница...

Я в двух словах изложила свою просьбу, и Ефим, секунд тридцать подумав, хлопнул себя ладонью по лбу – это означало, что он сообразил, как мне помочь. Он помчался разыскивать номер телефона, потом долго набирал номер, который оказывался постоянно занятым, наконец, дозвонился, о чем-то низким грудным голосом ворковал с какой-то, без всякого сомнения, женщиной и вернулся ко мне сияющий... Значит, узнал все, что я просила...

– Нипочем не хотела говорить, – сообщил он мне, – ныла все – «меня уволят, меня уволят» – пришлось наобещать ей черт знает чего...

– Фимуля, да ты по существу мне ответь, – взмолилась я, – сказала она тебе, что это за компетентные органы такие...

– Сказала, – кивнул он, – шепотом, но сказала. Сообщение поступило из Министерства чрезвычайных ситуаций, из службы ведомственного надзора и внутриминистерской разведки.

По крайней мере, так она запомнила. Саму бумагу главный редактор «Вестей» сразу в сейф спрятал, но она все прочитала, когда ее регистрировала... Это твои коллеги, Ольга, информацию дали...

– Разведка внутри МЧС?.. – пробормотала я. – Ничего не понимаю...

Глава четвертая

Я распрощалась с Ефимом, вышла на набережную и присела на лавочке в тени, в относительном уединении. Относительном потому, что рядом со мной на лавочку тут же плюхнулся какой-то старичок-пенсионер с клюшкой в трясущихся руках. Но поскольку смотрел он только прямо – на волжскую воду, признаков жизненной активности не подавал, я моментально про него забыла.

Я курила уже вторую сигарету, когда поняла, что думаю все об одном и том же. О странной структуре внутри МЧС, о существовании которой я только что узнала с помощью Ефима Шаблина.

Появление такого рода скрытых формирований внутри стабильно существующей структуры типа нашего МЧС однозначно свидетельствует о том, что появились симптомы нарушения стабильности. Или уже произошедшее, например, из-за конкурентной борьбы с ФСБ, или – планируемое, что, может быть, связано только с перспективными планами нашего руководства, а скорее всего – самого министра.

Постойте! Уж не в президенты ли он нацелился? А что? Имидж у него отличный для предвыборной кампании – энергичность, воля к действию, оперативность такая, что нашим остальным чиновникам только в кошмарном сне может привидеться. Сам всегда выезжает на сложные и опасные объекты. Молод, по крайней мере, на вид. Лицо – открытое, улыбается редко (серьезен), но улыбка добрая, располагающая. Говорит мало (зря не болтает), но обдуманно. За свои слова всегда готов ответить. Наконец, уже в силу своей профессии – всегда выступает в роли спасателя. Трудно ли для умелого политика сделать шаг от спасателя к образу Спасителя всей России?..

Я даже рассмеялась своим мыслям... Господи, какой ерундой я себе голову засоряю! Словно подумать больше не о чем...

Раз уж я решила «сачкануть» сегодняшнюю смену, вдохновленная на это туманным благословением своего командира, то не тратить же время на интеллектуальные упражнения по поводу президентского кресла, которое, кстати, и сейчас не пустует...

Я достала из сумочки список пассажиров теплохода и еще раз посмотрела на их общее число – всего двести пятьдесят восемь человек. Теплоход фактически шел полупустым... Как же тогда понимать фразу капитана? В каком же это смысле пассажиров было слишком много? Интересно, а будь их человек сто, например, это как – много или мало. Или – достаточно? Достаточно – для чего? Как же мне все-таки умудриться поговорить об этом с капитаном Самойловым, на пути к которому неожиданно встал этот отвратительный хлыщ – Морозов?

Ответа на этот вопрос я не находила. В голове машинально всплыл разгневанный голос булгаковского губернатора: «Как ты посмел? ... Ты сам все решил!...» Что – посмел? И что решил? И при чем здесь сам губернатор? Он-то тут с какого бока?

Я рассеянно проглядывала список пассажиров. Против некоторых фамилий стояли отметки – «погиб». Таких было много, я не стала пересчитывать, но не меньше ста человек...

Вдруг на глаза мне попала знакомая фамилия... Я даже лоб наморщила, стараясь вспомнить, почему она застряла у меня в памяти... Распространенных фамилий в списке было немало, но эта была редкой и даже какой-то странной – двойная фамилия «Патрицианов-Горбенко». Где же она мне попала?..

Ну конечно! Мы же совсем недавно с Игорьком смеялись, что нельзя с такой фамилией проповедовать идеи пролетарского единства... Ведь это пресс-секретарь председателя ППИ – «партии пролетарской идеи», или, как ее называют политические противники, «партии принципиальных идиотов».

Против фамилии Патрицианов-Горбенко стояла красная отметина – «погиб»... Вот и появился повод отблагодарить Фимку за его услугу. Нужно ему срочно сообщить о моем открытии, вряд ли он успел изучить списки погибших... Он, как и большинство репортеров, больше по верхам порхаёт – на крыльях собственной фантазии...

Благо от гостиницы я далеко отойти не успела... Я поднялась с лавочки, и тут только «неживой старичок» повернул голову в мою сторону и посмотрел на меня отсутствующим взглядом. Я сделала ему ручкой, сказала: «Пока, дедуля!» и поспешила к гостинице. На ступеньках ее широченного парадного подъезда я оглянулась. На лавочке сидели уже два старичка! Издалека они были похожи, как близнецы... Или у меня в глазах двоится? С чего бы это?... Да нет – точно – два старичка стало. Странно...

На этот раз Ефима даже искать не пришлось – он сидел у одного из трех десятков телефонов на первом этаже и передавал в Москву свой репортаж. По всей видимости, репортаж ни о чем, поскольку комиссия работу еще не завершила, выводов своих не обнародовала. Передавать было нечего, но работа есть работа, и Фима наворачивал одну на другую мрачные подробности катастрофы.

Через пару минут он закончил передачу своего текста и, даже не спросив, зачем я тут опять появилась, потащил меня за руку в ресторан. Журналистов на спасательных работах бесплатно не кормили, и Ефим питался в гостиничном ресторане, впрочем, был только рад этому, поскольку считал себя знатоком гастрономии и любителем хорошей кухни, гурманом. И хвастался этим.

Как только я сообщила ему что среди погибших обнаружила фамилию пресс-секретаря ППИ Патрицианова-Горбенко, он забыл о еде, потребовал у меня список и принялся его изучать. Лентяй ты, все-таки, Фимочка! Словно не мог раньше этого сделать!

Фимка разглядывал список минуты полторы, а потом посмотрел на меня круглыми от радости и какого-то азарта глазами и заявил:

– Ольга, ты гений! И я тоже!

Он придвинул свой стул ближе ко мне и ткнул пальцем в список.

– Смотри! Видишь эту фамилию? Бухарин? Иван Спиридонович? Знаешь, кто это?

Я недоуменно покачала головой и промолчала, поскольку рот мой был занят. Фимкино возбуждение не мешало моему аппетиту.

– Слушай сюда! «Бухарин» – это псевдоним лидера ППИ Суханова. Имя и отчество совпадают! Даю голову на отсечение, что это он! Во-первых, ассоциация с Николаем Бухариным, сама понимаешь, во-вторых, он, как и любой нормальный мужик, выпить был не дурак. В его духе псевдонимчик! Кроме того, он сейчас должен быть на отдыхе, в прессе прошло сообщение, что он отдыхает после серии митингов в городах на Верхней Волге, а затем – такая же серия в Нижнем Поволжье... Ему в самый раз было отправиться сверху вниз на теплоходе! А псевдоним – чтобы лишнего внимания к себе не привлекать – отдохнуть что ли нельзя человеку в самом-то деле?

Он опять посмотрел на меня совершенно ошумелым взглядом и сказал как-то сладострастно:

– Ух, как я развернусь теперь! Мне весь подвал на первой полосе отдадут в завтрашнем выпуске... Я это так разрисую...

Тут же он настороженно оглянулся по сторонам, словно опасаясь, что кто-нибудь из собратьев по перу из конкурирующих изданий мог нас подслушать, убедился, что ни одной знакомой журналистской физиономии рядом не видно, и радостно рассмеялся.

– Ольга – я твой должник по гроб жизни! – заявил он, вlepил мне поцелуй куда-то под левый глаз и опять помчался к телефону – диктовать новый репортаж с сенсационным известием о гибели одного из российских политических лидеров.

Конечно, Фимка – циник. Во всем, что касается его профессии. Но то, что завтра его будет читать вся Россия, – от этого у него голова кружилась. И не просто ведь читать. Негодовать будет там, где он заставит ее негодовать, ужаснется точно в том месте текста, где у него запланирована такая реакция читателей, озадаченно почешет в затылке – уж он-то сумеет озадачить кого хочешь своими рассуждениями и фантазиями. Фимка, повторяю, циник, но он какой-то романтический циник, если, конечно, такие вообще бывают. Может быть, поэтому меня не коробит от его цинизма?..

Я была несколько ошеломлена и Фимкиной экспрессией, и новыми фактами. Тут можно даже и не думать, не анализировать – сейчас же многочисленные версии посыплются как из рога изобилия. Но самая популярная для средств массовой информации будет, конечно, версия о политическом убийстве...

Мне что-то слабо верилось в то, что для гипотетической ликвидации этого самого Суханова можно было организовать катастрофу такого масштаба. В моем представлении – это выстрел из пушки по воробью...

Причем у тех, кто хотел бы его смерти, не было ведь никакой гарантии, что он случайно не останется жив... В катастрофах контрольных выстрелов никто не делает... А если предположить, что среди спасателей есть человек, который проконтролировал факт наступления его смерти?.. И если она не наступила, «помог» Суханову войти в список погибших... То есть попросту – киллер среди спасателей? Почему не может быть такого варианта?

Да нет! Это вообще чушь собачья! И не только потому, что я слишком высокого мнения о спасателях и не хочу даже думать, что наша репутация может оказаться испорченной. Все это само по себе слишком сложно для исполнения и слишком ненадежно в смысле достижения результата... Гораздо проще – выстрел, взрыв мины или гранаты, отравление – самый популярный сегодня репертуар...

...Нагоняй от Грегa я за этот «прогул» все же получила. Собственно говоря, не за прогул даже, а за то, что так широко истолковала слова своего командира «некоторое время», но главное – не согласовала с ним продолжительность своего отсутствия. Он же волновался за меня. Григорий Абрамович напоминал мне моего отца, вечно ворчащего на мою слишком ярко выраженную в детстве самостоятельность. Внешне ничего общего между ними, конечно, не было, но интонации! Боже мой, как часто я стояла перед папой с опущенной головой и теребила подол своего платья, изображая раскаявшуюся грешницу. На самом-то деле голову я опускала только для того, чтобы он не видел мои глаза, в которых в тот момент не было, как это ни печально, и тени раскаяния...

Но по-отечески меня отчитав, майор проявил самый живой интерес к добытой мной информации. И, как ни странно, не к гибели Суханова, не к существованию в МЧС неизвестной прежде никому из нас тайной структуры, а к появлению губернатора на шестнадцатом этаже и его разговору с капитаном Самойловым.

Я добросовестно пересказала ему слышанные мною фразы губернатора, и Григорий Абрамович надолго задумался. И я тоже. Хотя мы явно думали о разном. Меня, например, как-то смутило что ли, отсутствие в нем интереса к сообщению о службе ведомственного надзора, или, как выразился Фима, – о внутриминистерской разведке. Поведение Грегa в отношении этого факта было каким-то неадекватным... Он словно не заметил его. Внимания не обратил. Может быть, не поверил? Счел это очередной выдумкой столичного журналиста? А может быть, это и в самом деле Фимкина выдумка? Или еще чья-то? В той среде, где он обитает – это за просто. «Утки» оттуда вылетают стаями...

Из наших размышлений нас вывел Кавээн. Он где-то пропадал часа два и заявился с каким-то загадочным взглядом, словно сюрприз нам приготовил... Сюрприз нас и в самом деле ожидал. В виде новой версии о причинах катастрофы. Версия была кавээновского про-

изводства и уже в силу одного этого достаточно экзотическая и малоправдоподобная. Кавээн собрал нас в их с Игорьком палатке, и по всему видно было, что он приготовился говорить долго. Это само по себе уже было сенсацией, поскольку произносить монологи Кавээн не умел и не любил. И раз решился на такое – значит, очень хочет повысить свой рейтинг в группе, и, главное, у него есть какой-то материал, на котором это можно сделать... Ну что ж, слушаем. Кроме всего прочего, это само по себе обещает быть забавным зрелищем...

Рассказчик Кавээн, конечно, – никакой, и он сразу выпалил нам, что среди спасенных на «Сергее Есенине» людей он разыскал психически неуравновешенного типа, который заявляет, что это он взорвал теплоход... Кавээн сам и спас этого типа вместе с Абрамычем, в первые часы нашей работы... Кавээн горячился и все пытался привлечь к рассказу Григория Абрамовича:

– Ты вспомни, Абрамыч! Что он бормотал, когда мы его пальцы от ножки стола отрывали? Он вцепился тогда мертвой хваткой!

Абрамыч пожимал плечами и говорил недоумевающе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.